

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. МИХАИЛА, КНЯЗЯ ЧЕРНИГОВСКАГО.

О ДАРѢ ЯЗЫКОВЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.

В. Сухановъ.

ЧЕРНИГОВЪ.
ЕПАРХІАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1914.

Печ. дозв.: 15 іюня 1914` г. Цензоръ, Ректоръ Черниговской духовной Семинаріи
Протоіереи *Василій Сокольскій*.

Электронный вариант книги
выполнен в Перервинской
духовной семинарии

Москва
2004

О даръ языковъ въ древней Церкви ¹⁾.

I.

Даръ языковъ или, какъ обыкновенно говорятъ, глоссо-
лалія, представляетъ собою чрезвычайное и исключи-
тельное, никогда послѣ не повторявшееся въ исторіи, но
вмѣстѣ съ тѣмъ довольно распространенное явленіе въ жиз-
ни вѣрующихъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства. Предъ
Своимъ вознесеніемъ Спаситель обѣтовалъ, что этотъ даръ,
среди прочихъ знаменій (*σημεῖα*), будетъ сопутствовать ис-
кренней и глубокой вѣрѣ въ Него: увѣровавшіе въ Него,
обѣтовалъ Онъ, „языки возглаголють новы“ (*γλώσσαις
καλλήσουσιν καιναῖς*,—Мрк. 16, 17). Дѣйствительно, на пер-

¹⁾ **Л и т е р а т у р а:** Комментаріи о.о. Церкви по Catenae
Graecorum Patrum in Novum Testamentum I. A. Cramer'a.
Охоніи. 1844. Томъ 3 и 5. Творенія св. Іоанна Златоустаго, изд.
С.-П.-Б. Дух. Акад.: Бесѣды на Дѣянія, на I-е посланіе къ
Коринѣянамъ, первая и вторая бесѣды на св. Пятидесятницу.
Блаж. Θεοδωρίτῃ. Толкованіе на 1-е къ Коринѣянамъ. Творенія.
Ч. VII. Москва. 1861. Григорій Богословъ. Слово 41-е. Тво-
ренія. Ч. IV. Москва. 1889. Блаж. Θεοφύλακτῃ. Толкованія на
Новый Заветъ. Томъ 5, ч. I-ая; Т. 6-ой. Казань. 1906. Еп.
Θεοφάνῃ. Толкованіе перваго посланія Св. ап. Павла къ Корин-
ѣянамъ. Москва. 1893.—М. Барсовъ. Сборникъ статей по
истолковательному и назидательному чтенію Дѣяній св. Апосто-
ловъ и Апокалипсиса. Симбирскъ. 1894. Проф. М. Голубевъ.
Обозрѣніе посланій св. ап. Павла къ Коринѣянамъ. Томъ I.
Спб. 1861. Проф. Муретовъ. Пророчество и языкоговореніе
(глоссолалія) какъ знаменія для вѣрующихъ и невѣрующихъ, въ

выхъ же страницахъ Апостольской исторіи мы читаемъ, что „не по мнозѣхъ днехъ“ послѣ вознесенія Господня, въ теченіе которыхъ ближайшіе послѣдователи Христа „единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи“ (Дѣян. 1, 14) и съ вѣрою слову своего Учителя ждали облечься „силою свыше“, чтобы стать свидѣтелями о Христѣ „до послѣднихъ земли“ (Лук. 24, 49. Дѣян. 1, 5. 8), въ великій день Пятидесятницы пришелъ „иной Утѣшитель“ (Іо. 14, 16—17. 26. 15, 26. 16, 7—14), юная Церковь Христова „исполнилась Духа Св.“ (Дѣян. 2, 1—4), и явленіе силы Его, начало особеннаго присутствія Его въ ней открылось въ томъ, что „все (воспріявшіе отъ силы Его) начали глаголати иными языки (*λαλεῖν ἑτέροις*

Богосл. Вѣстникъ за 1904. т. 2-ой. Θ. И. Мищенко. Рѣчн св. ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. Кіевъ. 1907. Свящ. М. Ойвейскій. Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской Церкви. Москва. 1907. Краткія замѣчанія о глоссолаліи въ статьѣ Свящ. И. Гумилевского „Апостольское пониманіе богослужебнаго чина“. Богословскій Вѣстникъ. 1913 г. Февраль.— Hofmann. Die heilige Schrift neuen Testaments. 2. Th., 2 Abth. Nördlingen. 1864. R. Cornely. Commentarius in S. Pauli Apostoli epistolas. II. Prior epistola ad Corinthios. Parisiis. 1890. Wendt. Die Apostelgeschichte. Göttingen. 1899. Feine. Zungenreden,—статья въ 21-мъ томѣ Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche herausg. A. Hauck. I. Weiss. Der erste Korintherbrief. Göttingen. 1910. Кромѣ того мы пользовались новозавѣтными лексиконами Н. Cremer'a Biblisch—theologisches Wörterbuch der Neutestamentlichen Gräcität. Gotha. 1902; Schleusner'a Novum lexicon graeco-latinum in Novum Testamentum. T. 1 и 2. Lipsiae. 1819; F. Zorell'a Novi Testamenti lexicon graecum. Parisiis. 1911 и Synonimik des Neutestamentlichen Griechisch Gerhard'a Heine. Leipzig. R. 1898. Греческій текстъ Дѣяній и 1-го посланія къ Коринѳянамъ приводится нами по Eberhard Nestle. Novum Testamentum Graece et latine. Editio tertia recognita. Stuttgart. 1910.

γλώσσαις), якоже Духъ даяше имъ провѣщавати“ (*ἀποφθέγγεσθαι*,—Дѣян. 2, 4). Позднѣе дарованіемъ языковъ Корнилію и „многимъ собравшимся“ въ домѣ его (10. 44, срв. 27) Св. Духъ указалъ, что и язычникамъ должна быть безпрепятственно открыта „дверь вѣры“ (14, 27. 15, 4): „вѣрующіе изъ обрѣзанныхъ, рассказываетъ Дѣписатель,... изумились, что даръ Св. Духа излился и на язычниковъ, ибо слышали ихъ говорящихъ языками и величающихъ Бога“ (*λαλοῦντων γλώσσαις καὶ μεγαλυνόντων τὸν Θεόν*,—Дѣян. 10 45—46). Еще позднѣе, когда Св. Павелъ крестилъ въ Ефесѣ учениковъ Іоанновыхъ (19, 1—5), даръ языковъ засвидѣтельствовалъ о безконечной разницѣ между крещеніемъ Іоанновымъ и крещеніемъ „во Христа Іисуса“: „когда Павелъ возложилъ на этихъ учениковъ руки, нисшелъ на нихъ Духъ Святый, и они стали говорить языками и пророчествовать“ (*ἐλάλουν τε γλώσσαις καὶ ἐπροφήτεον*,—19, 6). Наконецъ, Ап. Павелъ въ своемъ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ вопросу о дарѣ языковъ посвящаетъ почти цѣлую главу (14, 1—28. 39—40), основная мысль которой та, что даръ языковъ бесполезенъ для „назиданія“ Церкви, если онъ не соединяется съ даромъ истолкованія, и что, слѣдовательно, напрасно, новообращенные коринѣяне, съ дѣтскимъ легкомысліемъ (срв. 1 Кор. 14, 20), предпочитаютъ его дару пророчества. Больше новозавѣтныхъ писаній не упоминаютъ о дарѣ языковъ. Но и указанные мѣста говорятъ за то, что этотъ даръ не рѣдко посылался вѣрующимъ. Онъ не изсякалъ въ Церкви до дней Иринѣя Ліонскаго, который пишетъ о себѣ и своихъ современникахъ: (Contr. haer. V, 6, 1. Cfr. Euseb. eccl. hist. V, 7) „мы слышимъ (*ἀκούομεν*) многихъ братьевъ въ Церкви, имѣющихъ пророческія дарованія и чрезъ (Святаго) Духа говорящихъ различными языками (*παντοδαπαῖς λαλοῦντων διὰ τοῦ πνεύματος γλώσσαις*) и для общей пользы выводя-

щихъ наружу сокровенное (*τὰ κρύφια*) людей и изъясняющихъ тайны Божіи (*μυστήρια τοῦ Θεοῦ*)“. Позднѣйшіе церковные писатели не упоминаютъ о глоссолаліи, какъ современномъ имъ явленіи, а Златоустъ, приступая къ объясненію отдѣла о духовныхъ дарованіяхъ (12—14 гл.) въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, замѣчаетъ: „все это мѣсто очень неясно; неясность же производитъ незнаніе и отсутствіе фактовъ, нѣкогда случавшихся, а теперь не встрѣчающихся (*οὐ γινομένων*)“. Слѣдовательно, въ его время харисмы, въ томъ числѣ и даръ языковъ, уже оскудѣли въ Церкви.

Въ чемъ же состояло явленіе глоссолаліи въ древней Церкви? Разсказъ Св. Луки о событіи въ день Пятидесятницы настолько ясенъ, его выраженіе, что исполнившіеся Св. Духа галилеяне (Дѣян. 2. 7) начали *λαλεῖν ἑτέραις γλώσσαις* (ст. 4) въ связи съ замѣчаніемъ, что слушатели, собравшіеся со всѣхъ странъ тогдашней Римской имперіи (стт. 7—11), слышали „кїждо свой языкъ (*τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ*), въ немже родинася“ (ст. 8) и изумлялись, какъ мы „слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки (*λαλοῦντων αὐτῶν ταῖς ἡμετέραις γλώσσαις*) величія Божія“ (ст. 11),—настолько опредѣленно, что, кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній въ пониманіи повѣствованія автора книги Дѣяній. Онъ ясно и опредѣленно описываетъ глоссолалію галилеянъ, какъ даръ глаголанія на иностранныхъ языкахъ, „якоже Духъ даяше имъ (галилеянамъ) провѣщавати“. Даже раціоналисты, напр. Zeller, Spitta, не рѣшаются перетолковывать разсказъ св. Луки и лишь отрицаютъ его историческую достовѣрность. Въ двухъ другихъ мѣстахъ книги Дѣяній (10, 46. 19, 6), въ Евангеліи Марка (16, 17) и въ посланіи Ап. Павла (1 Кор. 12—14 гл.) ни однимъ словомъ *прямо* не упоминается объ *иностраннымъ* характерѣ языка глоссолаловъ, но *ничто и не*

противорѣчитъ пониманію глоссолаліи именно какъ *глаголанія на иностранныхъ языкахъ*. Сопоставляя повѣствованіе Дѣяній Апостольскихъ съ ученіемъ Ап. Павла и слѣдуя основному положенію церковнаго экзегезиса: „*incerta de certis et obscura de manifestis praejudicari*“ (Tertulliani de resurrect. carnis. cap. 21. Cfr. Adv. Prax., cap. 20. De pudic. c. 17), церковное преданіе, поскольку оно записано въ твореніяхъ отцовъ и писателей Церкви, ¹⁾ въ Постановленіяхъ Апостольскихъ (VIII, 1), а также въ пѣснопѣніяхъ „святыхъ Пентикѹстіи“, утвердило то пониманіе, что даръ языковъ въ древней Церкви выражался въ глаголаніи на иностранныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ глоссолаламъ языкахъ. Такъ понимаетъ глоссолалію и большинство новѣйшихъ экзегетовъ, въ томъ числѣ всѣ русскіе за исключеніемъ, поскольку намъ извѣстно, о. М. Өивейскаго (срв. еще о. Ил. Гумилевскаго).

Но въ классическомъ мѣстѣ о дарѣ языковъ у Ап. Павла (1 Кор. 12—14 гл.) ничто прямо, ясно и точно не указываетъ на глоссолалію, какъ рѣчь на иностранныхъ языкахъ, и многое, наоборотъ, повидимому, рѣшительнымъ образомъ говоритъ противъ такого представленія о ней, и прежде всего именно то, что Ап. Павелъ не могъ бы, напр., воспользоваться выраженіемъ *ῥένη φωνῶν* въ смыслѣ „роди языковъ“ (1 Кор. 14, 10 сл.), какъ аналогіей для дара языковъ, если бы сама глоссолалія, по

¹⁾ Мы разумѣемъ Иринея Ліонскаго. Тертулліана, Оригена, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Назіанзина, Григорія Нисскаго, Златоуста, Іеронима, Августина, Кирилла Александрійскаго, Льва Великаго, Григорія Великаго. Срв. мнѣнія Филастрія, Максима Турскаго. Выдержки изъ твореній указанныхъ авторовъ собраны, напр., въ сочиненіи Englmann'a Von. den Charismen im Allgemeinen und von dem Sprachen—Charisma im Besonderen. Regensburg. 1848. Ss. 296—302. Также думаютъ блаж. Өеодоритъ, Өкуменій, блажен. Өеофилактъ Болгарскій и др.

его пониманію, и была рѣчью на языкахъ разныхъ народовъ, такъ какъ что могла бы тогда пояснить такая аналогія *idem per idem*? Далѣе, языкъ глоссолала не былъ бы непонятенъ въ томъ случаѣ, если бы за богослуженіемъ присутствовали знающіе другіе языки, между тѣмъ, по словамъ Апостола, всегда былъ необходимъ даръ „истолкованія“, чтобы сдѣлать рѣчь глоссолала понятной (1 Кор. 14, 5. 6. 13); *λαλεῖν γλώσσαις*, глаголанію языками у него противопоставляется не рѣчь *ἰδίᾳ διαλέκτῳ*, на родномъ языкѣ, а или рѣчь *ἐν τῷ νοῷ* или понятная рѣчь... Съ другой стороны, возможно оспаривать пониманіе глоссолаліи, какъ глаголанія на разныхъ языкахъ, даже на основаніи текста книги Дѣяній, какую попытку и дѣлаетъ Wendt (срв. Feine). Наконецъ, если даръ языковъ, что утверждаютъ очень часто, сообщалъ *постоянное знаніе* иностранныхъ языковъ, то такому утверженію противорѣчатъ нѣкоторые историческіе факты, напр.: а) что Апостолы пользовались истолкователями или толмачами (*ἑρμηνευτῆς*): Петръ—Маркомъ (Euseb. hist. eccles: III, 39; Irenäus Contr. haer. III, 10, 6 и др.), Павелъ—Титомъ (Hieronimi ep. 120 [al. 150] ad Hebidiā, 11); б) что Ап. Павелъ который „болѣе другихъ говорилъ языками“ (1 Кор. 14, 18), однако, не понималъ языка Ликаонцевъ (Дѣян. 14, 11—14); в) что греческій языкъ новозавѣтныхъ писателей содержитъ много гебраизмовъ, слѣдовательно, эти писатели владѣли имъ не въ совершенствѣ.— Всѣ эти соображенія вызвали обширную литературу о дарѣ языковъ, отголоскомъ которой у насъ является диссертация о. М. Оивейскаго „Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской церкви“ (Москва. 1907) —, вызвали цѣлый рядъ гипотезъ и экзегетическихъ теорій, различно объясняющихъ глоссолалію, но сходящихся въ томъ, что она не была рѣчью на иностранныхъ языкахъ.

II.

Исходный пунктъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ глоссо-
 лалическихъ теорій и гипотезъ—терминъ *γλῶσσα*. Даръ
 языковъ въ новозавѣтныхъ писаніяхъ называется неоди-
 наково: роды языковъ (*γέννη γλωσσῶν*,—1 Кор. 12, 10. 28);
 языки (*γλῶσσαι*,—13. 83); говорить языкомъ (*λαλεῖν*
γλώσσῃ,—14, 2, 4 etc.), и это даже о многихъ говорящихъ
 (14, 9); говорить языками (*λαλεῖν γλώσσαις*,—12, 30;
 13, 1; 14, 5 etc.; Дѣян. 10, 46: 19, 6), даже когда рѣчь
 объ одномъ говорящемъ (13, 1. 14, 5 и др.); говорить но-
 выми языками (*λαλεῖν καιναῖς γλώσσαις*,—Мрк. 16, 17);
 говорить иными языками (*ἐτέραις γλώσσαις λαλεῖν*,—Дѣян.
 2, 4). Общее во всѣхъ названіяхъ—терминъ *γλῶσσα*,
 который преимущественно имѣетъ три значенія: 1) *γλῶσσα*—
 языкъ, какъ членъ тѣла (Мр. 7, 33. Лк. 16, 24. Іак. 3, 5
 сл. 8. Апок. 16, 10), органъ рѣчи (Мр. 7, 35. Лк. 1, 64.
 Рим. 3, 13; 1 Іо. 3, 18. Дѣян. 2, 26. Іак. 1, 26. 1 Петр.
 3, 10. Рим. 14, 11. Фил. 2, 11, срв. Дѣян. 2, 3); 2) метони-
 мически *γλῶσσα* есть то, что мы говоримъ, самая рѣчь, нѣм.
Sprache, какъ средство общенія людей, но такъ какъ у
 каждаго народа свой особый *Sprache*, какъ средство та-
 кого общенія, то *γλῶσσα* синонимъ съ *διάλεκτος*, т. е.,
 со *Sprache*, какъ образомъ выраженія, свойственнымъ
 каждому отдѣльному народу, въ смыслѣ языкъ еврейскій,
 языкъ греческій и т. д. (Дѣян. 2, 11=2, 6. 8, срв. 1, 19); съ
 такимъ значеніемъ *γλῶσσα* встрѣчается у Ксенофонта,
 часто у Геродота: гебраизированное *γλῶσσαι* употреб-
 ляется какъ синонимъ *ἔθνη*, *λαοί*, *ὄχλα*, *φυλαί* (Апок.
 5, 9. 7, 9. 10, 11. 11, 9. 13, 7. 14, 6. 17, 15, срв. Иса.
 66, 18. Дан. 3, 4. 5, 19. Іудіѳ. 3, 8),—и 3) наконецъ, у
 позднѣйшихъ писателей *γλῶσσαι*, *γλωσσήματα*, какъ
terminus technicus, обозначаютъ неупотребительныя, по-
 этическія, темныя выраженія, провинціализмы, идіотизмы.

Каждая теорія и гипотеза глоссолаліи примыкает къ тому или иному значенію слова *γλῶσσα*; поэтому, несмотря на варіаціи въ частностяхъ, есть собственно три теоріи или гипотезы глоссолаліи, три попытки разрѣшить эту тайну сфинкса для о. Оивейскаго, которая „до настоящаго времени не разрѣшена и не будетъ разрѣшена удовлетворительно, если только не будутъ открыты новы-документы, проливающіе свѣтъ и на данный предметъ“.

А. Когда слово *γλῶσσα* переводятъ нѣмецкимъ *Zunge*, то даръ языковъ понимаютъ, такъ сказать, фізіологически, въ томъ смыслѣ, что *γλῶσση λαλεῖν* есть рѣчь *только языкомъ*, причемъ *νοῦς* (или *воля* или центральная нервная система) въ состояніи глоссолаліи перестаетъ функционировать, и исключительно только языкъ приводится въ движеніе сверхъестественнымъ воздѣйствіемъ Духа (*lediglich die Zunge ist durch den übernatürlichen Motor des Geistes in Bewegung gesetzt*); Духъ пользуется человѣкомъ, именно языкомъ человѣка, какъ безвольнымъ органомъ, чтобы проявиться во внѣ (*als willenloses Organ seiner Äusserungen benutzt*). Впервые эту гипотезу глоссолаліи предложилъ Bardili. Послѣ него еѣ защищали Eichhorn, Neander, Wieseler, K. Schmidt, Meyer, Schulz etc., въ новѣйшее время Holsten. По существу ея же держится и Feine. Holsten утверждаетъ: „если *νοῦς* не участвовалъ въ глоссолаліи, но *πνεῦμα* приводилъ въ движеніе въ человѣкѣ только механизмъ его рѣчи, прежде всего языкъ, то справедливо такую рѣчь называютъ *γλῶσση λαλεῖν*, *говорить языкомъ, но не сознательно* (*mit Zunge, nicht mit Bewusstsein*). Въ этой формулѣ прежде всего нашло свое ясное, характерное выраженіе различіе безсознательной формы рѣчи *πνεῦμα* (духа) отъ вполне сознательной. Въ такомъ смыслѣ (*und so*) пользовался и опредѣлилъ выраженіе Павелъ“: „въ церкви хочу пять словесъ

умомъ моимъ (*τῷ νοῦ μου*) глаголати... нежели тмы словесъ языкомъ“ (*ἐν γλώσσῃ*,—1 Кор. 14, 19). Feine добавляетъ, что эта рѣчь языкомъ „была экстатической рѣчью, которая отъ воздыханій, стоновъ, ликовація, криковъ, лепетанія могла переходить въ безсвязныя и необычныя слова (въ родѣ: авва, осанна, аллилуїа, маранаѡа) и въ связную рѣчь изъ странныхъ восторженныхъ словъ (in seltsam klingenden jubelnden Worten), которыя производили впечатлѣніе восторженной молитвы и псалмодическаго славословія Бога“. Совершенно естественно, что защитники такой теоріи глоссолатіи находятъ явленія и параллели „формально родственныя“ дару языковъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, именно въ явленіяхъ, виновникомъ которыхъ былъ или Духъ Божій, или злой духъ (бѣснованіе, вдохновеніе) и которыя выражались въ экзальтированныхъ, восторженныхъ движеніяхъ и въ экзальтированныхъ, экстатическихъ рѣчахъ (срв. Числ. 11, 25--30. 1 Цар. 10, 6. 10. 18, 10. 19, 19--24. Іер. 29, 26. 4 Цар. 9, 11: „неистовый“ о пророческомъ ученикѣ. 1 Цар. 18, 28 сл.; исторію Валаама, Числ. 23, 5 слл. 16 слл. 24, 2 слл.), и въ греко-римскомъ мірѣ, именно въ Θракіѣскомъ оргіастическомъ культѣ Діониса и чрезъ его посредство въ Греціи: глоссолатъ, оказывается, подобенъ дельфійской Пιεи, которая, сидя на своемъ треножникѣ, въ экстазѣ произносила никому непонятныя слова и обрывки мыслей... А такъ какъ далѣе ни рассказъ св. Луки, ни заключеніе евангелія Марка не укладываются въ рамки *γλῶσσα*—*Zunge*, то вполне понятно, что, допустивъ такое отождествленіе, отвергаютъ подлинность заключенія евангелія Марка и считаютъ легендой рассказъ св. Луки, утверждая, что повѣствованіе автора книги Дѣяній о бывшемъ въ Пятидесятницу въ настоящей его редакціи, въ смыслѣ чуда языковъ, есть позднѣйшая переработка и что будто бы перво-

начально Дѣянiя о глоссоалiи въ Пятидесятницу сообщали не больше того, что мы знаемъ о ней отъ Ап. Павла.

Въ русской литературѣ видоизмѣненiе только что изложенной гипотезы глоссоалiи далъ свящ. М. Оивейскiй въ упомянутой своей работѣ. О. Оивейскiй не отрицаетъ подлинности заключенiя евангелiя Марка, въ повѣствованiи св. Луки видитъ не легенду, а рассказъ о событiи, которое „носило на себѣ чудесный характеръ“; не признаетъ состоянiе глоссоалала экстатическимъ, но полагая, что „формулы *γλῶσσαις* или *γλῶσση, ἐν γλῶσση* и проч. *λαλεῖν* означаютъ просто—звучать при помощи языка, или какого-либо другого голосового органа“, „что для обозначенiя глоссоалалическихъ явленiй ап. Павелъ пользуется музыкально—гимнологическими терминами“, а эти „термины могли прежде всего и служить для обозначенiя музыкально—гимнологическихъ явленiй“, онъ считаетъ глоссоалiю „однимъ изъ видовъ такого рода явленiй“ и сущность этого дара св. Духа уясняетъ такъ. „Допустимъ, говоритъ онъ, что какую-нибудь философскую лекцiю, прекрасно изложенную, хорошо произносимую и вполне понятную для насъ, слушаетъ какой—нибудь пятилѣтнiй ребенокъ. Для него эта лекцiя будетъ совершенно непонятна. Такимъ образомъ то, что для взрослыхъ и получившихъ философскую подготовку людей не бываетъ глоссоалiей, для малолѣтняго ребенка *то же самое* вполне *глоссоалiя*.“ Латинское богослуженiе въ римско-католической церкви, „вполне понятное для католическихъ пасторовъ“. не будетъ для нихъ глоссоалiей, но непонятное для незнающихъ латинскаго языка присутствующихъ и молящихся въ костелѣ оно „представляется вполне глоссоалiей“. „Какой-нибудь изъ нашихъ русскихъ чтецовъ, читающiй невнятно и плохо среди собравшагося въ храмъ простого

народа какія—нибудь незнакомыя пареміи или каѳизмы“—тоже глоссолаля. Конечно, такое чтеніе да еще „незнакомыхъ паремій или каѳизмъ“ не принесетъ слушателямъ никакой пользы. Чтобы сдѣлать свою рѣчь понятной, слѣдовательно и полезной для Церкви, глоссолаля долженъ имѣть еще даръ истолкованія, который, по Апостолу, необходимъ, чтобы передать, сдѣлать понятной для слушателей рѣчь глоссолала. „Священнослужитель“, продолжаетъ нашъ авторъ, „который произноситъ возгласы или молитвы такъ, что никакихъ словъ разобрать невозможно, есть въ полномъ смыслѣ и по отношенію ко многимъ, присутствующимъ при богослуженіи, „говорящій языкомъ“,—и ему нужно молиться, чтобы рѣчь его сдѣлалась понятною“. Необходимость дара истолкованія при дарѣ языковъ особенно очевидна, если вникнуть въ смыслъ наставленія Апостола: „если кто говоритъ на (незнакомомъ) языкѣ, говорите двое, или много трое, и то порознь, а одинъ изъясняй“ (I Кор. 14, 27). „Вообразимъ, объясняетъ это наставленіе о. Оивейскій, какой-нибудь парадный обѣдъ, гдѣ участвуетъ множество разныхъ лицъ... Если (за этимъ обѣдомъ) говорятъ многіе, такъ что поднимается общій шумъ, въ которомъ нельзя слышать или понять отдѣльныхъ словъ, то это будетъ *глоссолалія*. Но въ скромныхъ собраніяхъ... обыкновенно... разговариваютъ только сосѣди, или же сидящіе по сторонамъ одного лица двое или *самое большее* (?) трое людей переговариваются между собою, при чемъ если кто-нибудь чего-нибудь недослышитъ, то сидящій въ серединѣ повторяетъ или объясняетъ сказанное своимъ сосѣдямъ. Вотъ къ этому послѣднему случаю, повидимому, съ полною точностью и могли бы быть приложены слова Апостола: (говорите) „по двое или самое большее по трое“... Мы, конечно, не можемъ опредѣлить въ точности,

что именно и какъ происходило въ коринѣскихъ собраніяхъ и было ли тамошнее говореніе похоже на то, которое происходитъ на нашихъ парадныхъ обѣдахъ... Однако, можемъ думать, что что-то такое подобное было и тамъ"... Приведенныхъ чертъ, кажется, болѣе чѣмъ достаточно для обрисовки глоссолалической теоріи о. Ѳивейскаго. Мы не преувеличили, не сгустили красокъ. Слово принадлежало самому о. Ѳивейскому, и справедливость нашей характеристики его теоріи онъ самъ подтверждаетъ, когда замѣчаетъ: „Мы обращаемся къ сомнительнымъ объясненіямъ глоссолаліи при помощи иностранныхъ языковъ или нелѣпыхъ разсужденій объ экстатическомъ состояніи глоссолалистовъ, объ ихъ бессмысленныхъ выкрикиваніяхъ разныхъ отрывочныхъ звуковъ, и при этомъ вовсе не замѣчаемъ, что глоссолалія, такъ сказать, разлита вокругъ насъ, и при томъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, составляетъ особенно въ Церкви самое обычное явленіе, существовавшее въ ней во всѣ вѣка.“

Вотъ какъ все просто и ясно... Правда, немного странно сначала заявить, что, „по несомнѣнному свидѣтельству апостола“, даръ языковъ и даръ истолкованія—чудесные и чрезвычайные дары Св. Духа, а потомъ объяснить, что чудесный даръ языковъ лишь бормотаніе сельскаго дьячка, а чудесный даръ истолкованія—свыше, по особой молитвѣ, даруемая священнослужителю способность „читать не такъ, какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“... Это, конечно, довольно своеобразное представленіе о Св. Духѣ и Его чрезвычайныхъ дарахъ, но можно вѣдь увлечься и забыть, что пишешь о чудесныхъ дарахъ Св. Духа...

Детальный разборъ теоріи нашего автора не нуженъ: она такъ „оригинальна“, что *per se* свидѣтельствуешь о сво-

ей цѣнности. Существенные недостатки ея тѣ же, что и физиологической теоріи глоссолаліи. Если *γλῶσσα* — только органъ рѣчи, то защитники этого взгляда слова Апостола: *ἐὰν γὰρ προσεύχομαι γλώσσῃ, τὸ πνεῦμά μου προσεύχεται* (ибо если я молюсь языкомъ, то духъ мой молится, — 1 Кор. 14, 14), должны бы перефразировать приблизительно такъ: *ἐὰν γὰρ προσεύχομαι γλώσσῃ, ἡ γλῶσσά μου προσεύχεται διὰ τοῦ πνεύματος*“ (ибо если я молюсь языкомъ, то языкъ мой молится силою духа), или въ интерпретаціи о. Өивейскаго: „кто молится только языкомъ, — у того говорятъ только уста, шевелятся только губы, *дыханіе его молится*“... Но нужно слишкомъ много фантазіи, чтобы представить „языкъ“ или „дыханіе“ въ позѣ молящагося... Ясно далѣе, что при такомъ пониманіи слова *γλῶσσα* множ. ч. *γλώσσαίς* при един. ч. субъекта ни въ коемъ случаѣ не можетъ стоять: „глаголюй языки“ (1 Кор. 14, 5), „паче всѣхъ васъ языки глаголя“ (14, 18, срв. 13, 1). У *одного* человѣка не два или три органа слова, а *одинъ*, объ одномъ человѣкѣ, если *γλῶσσα* = Zunge, Апостолъ всегда долженъ былъ бы выражаться только *γλώσσῃ λαλεῖν* или *ἐν γλώσσῃ λαλεῖν*. Какъ затѣмъ должно быть объяснено выраженіе *γένη γλωσσῶν*, „роди языковъ“, которые, по 12, 10, даруются *одному* человѣку. Что значить тогда замѣчаніе: „когда вы сходитесь, и у каждаго изъ васъ есть языкъ“ (14, 26)? Какъ будто, когда вѣрующіе не сходились въ Церковь, у нихъ не было и языковъ? Ничто въ *γλώσσῃ λαλεῖν* не указываетъ на лепетаніе, шопотъ и прочіе симптомы просто только невнятнаго и потому непонятнаго для слушателей движенія языка. Наоборотъ, глоссолалъ проносилъ членораздѣльные *λόγοι* (14, 19), которые несомнѣнно были непонятны для слушателей, однако, всегда представляли изъ себя нѣчто въ родѣ псалма, благосло-

венія или молитвы (срв. 14, 14—17) и черезъ толкованіе могли бытъ переведены на обычный языкъ собравшихся въ церковь. Наконецъ, самое выраженіе *γλῶσση λαλεῖν* лишено всякаго смысла, если *γλῶσσα* только языкъ—органъ слова: само собою понятно, что всякая рѣчь, всякое слово произносится языкомъ, а не ушами или ногами,—*γλῶσσα*—лишнее слово.

В. Другіе, особенно Bleek, Heinrici, J. Weiss, принимаютъ слово *γλῶσσα* въ томъ значеніи, какое оно имѣло на языкѣ школы, у грамматиковъ *Γλῶσσαι*=а) устарѣлыя выраженія (у Галена, Марка Аврелія), б) выраженія иностранныя и необычныя, не всякому понятныя (у Аристотеля, Секста Эмпирика, Плутарха), в) избранныя поэтическія выраженія (у Діонисія Галикарнасскаго, у *Квинтилиана* ¹⁾). Общее въ этихъ значеніяхъ то, что *γλῶσσαι*—необычныя, безъ особаго, смотря по обстоятельствамъ, истолкованія непонятныя выраженія. Ап. Павелъ, когда пишетъ Коринѣянамъ, харисму языковъ будто бы и называетъ собственно *γλῶσσαι* или *γένη γλωσσῶν*. У него не встрѣчается выраженіе *γλωσσολαλία*. Въ перечисленіи дарованій Св. Духа (1 Кор. 12, 10. 28) стоитъ не *γλῶσσαις λαλεῖν*, но *γένη γλωσσῶν*, въ 13, 8—*γλῶσσαι* рядомъ съ *προφητεῖαι* и *γνώσις*, въ 14, 22—*αἱ γλῶσσαι* противопоставляется *προφητεία*. Наименованіе дара языковъ словомъ *γλῶσσαι* Павелъ заимствовалъ изъ словопотребленія Коринѣянъ, воспользовавшись выраженіемъ, непосредственно имъ понятнымъ. Неоспоримо, что и самъ Павелъ и Коринѣяне понимали *γλῶσσαι* въ обычномъ у грековъ значеніи, какъ *terminus technicus*. Отсюда Коринѣяне харисму языковъ видѣли въ томъ, что кто-либо становился способнымъ говорить во многихъ или во всѣхъ

¹⁾ Цитаты изъ сочиненій указанныхъ авторовъ см. у J. Weiss'a *Der erste Korintherbrief*, S. 336—337.

возможныхъ родахъ глоссъ. Чудесность этой харисмы состояла въ разнообразіи и многосторонности, въ возможности *ἐτῆραις*, т. е. иностранными, и *καιναῖς*, т. е. неслыханными ранѣе, *γλώσσαις λαλεῖν* (Дѣян. 2, 4. Мрк. 16. 17); въ томъ, что кто-нибудь могъ говорить новымъ способомъ, которымъ онъ до сихъ поръ никогда не говорилъ. А такъ какъ эти *γλώσσαι* употреблялись тогда, когда прославлялся Богъ (Дѣян. 2, 11. 10, 46) или когда какъ бы говорили съ Богомъ (1 Кор. 14, 2. 13 слл.), то это обстоятельство понятію *γλώσσαι* придавало еще особый оттѣнокъ: *γλώσσαι* суть образъ выраженія, которымъ говорятъ на небѣ съ Богомъ, а чудо глоссолаліи состоитъ въ томъ, что глоссолалы мгновенно восхищались на небо и говорили „небесными словами“. Эти слова глоссолаловъ, смотря по обстоятельствамъ, имѣли очень различный звукъ (Klang), поэтому образовалось представленіе различныхъ родовъ этой небесной рѣчи... Такъ обр., *γλώσσαι* собственно суть „темныя чудесныя небесныя слова“, а даръ языковъ—способность говорить при помощи этихъ словъ. Самое явленіе, довольно ясно описанное Павломъ, будто бы возникло на почвѣ эллинистическаго экстаза и мистики. Новое религіозное движеніе съ его энтузіазмомъ, съ его трансцендентными воззрѣніями, въ особенности мистическое благовѣстіе Павла на греческой почвѣ будто бы вызвало оживленіе мистическаго экстаза, который въ христіанствѣ принялъ форму дара языковъ. Вполнѣ естественно, что этотъ даръ, какъ явленіе по существу родственное эллинистическому экстазу, отъ него получило и свое названіе. Оракулы часто давали отвѣты вопрошавшимъ глоссами. Это экстатическое глаголаніе глоссами стало теперь въ христіанствѣ особымъ даромъ...

Однако, противъ такого представленія дара языковъ нужно сказать, что оно невѣрно уже въ **своомъ** исход-

номъ пунктѣ: *γλῶσσαι*, какъ *term. techn.*, употреблялся только на языкѣ школы, у грамматиковъ, а не у новозавѣтныхъ писателей. Затѣмъ, совершенно невѣроятно, чтобы христіанская Церковь въ первое время своего существованія, когда она наиболѣе рѣзко отграничивала себя отъ язычества, признала въ дарѣ языковъ, хотя и осуществляемое Духомъ Божиимъ, но все же явленіе аналогичное древнимъ оракуламъ, или, по крайней мѣрѣ, назвала его терминомъ, заимствованнымъ изъ практики оракуловъ. Это настолько же невѣроятно, насколько недоказуемо то, что даръ языковъ и древніе оракулы съ ихъ экстазомъ—явленія аналогичныя по существу. Правда, аналогія между ними какъ будто есть и доказывается тѣмъ, что какъ Писанія, напр., часто давала отвѣты вопрошавшимъ глоссами, такъ и даръ языковъ въ древней Церкви выражался въ *γλῶσση* или *γλῶσσαις λαλεῖν*, но и только. Противъ этой аналогіи говоритъ прежде всего то, что *γλῶσσαι* оракуловъ и боговъ всегда—только отдѣльные слова и выраженія,—при чемъ одни изъ нихъ, ставшія неупотребительными, дѣйствительно, отличались отъ языка повседневной жизни, другія—были самыми обыкновенными и употребительными, но только въ нихъ влагался не тотъ смыслъ, какой они имѣли въ обычномъ словоупотребленіи, такимъ образомъ не вся рѣчь оракула должна была производить впечатлѣніе неизвѣстнаго языка. Это была рѣчь на обычномъ языкѣ, но таинственная, темная и непонятная постольку, поскольку она была испещрена глоссами. Напротивъ—*γλῶσσαις λαλεῖν*, по посланію Ап. Павла, была рѣчь непонятная для собравшихся въ Церковь, не въ силу отдѣльныхъ словъ и выраженій, но рѣчь совершенно непонятная слушателямъ отъ начала до конца (1 Кор. 14, 2. 9. 16), поэтому она была рѣчью не къ людямъ, а къ Богу, и служила къ назиданію не Цер-

кви, а только самого говорящаго (14, 2. 4). Если бы, да-
лѣе, особенность дара языковъ состояла лишь въ томъ,
что рѣчь глоссолала была испещрена глоссами, то
этотъ даръ всегда назывался бы *γλώσσαις λαλεῖν*, но
никогда *γλῶσσα* не стояло бы въ числѣ единственномъ,
между тѣмъ послѣдняя конструкція встрѣчается у Апосто-
ла нерѣдко: *ὁ λαλῶν γλῶσση, γλῶσσαν ἔχει* (14, 2. 4.
13. 14. 19. 26. 27). Но рѣшительнымъ образомъ противъ
этой теоріи глоссолаліи свидѣтельствуетъ повѣствованіе
св. Луки о чудѣ въ Пятидесятницу (Дѣян. 2 гл. срв. 10,
46. 19, 6) и заключеніе евангелія Марка (16, 17). Поэто-
му защитники этой теоріи дара языковъ отвергаютъ по-
длинность заключенія въ евангеліи Марка, а рассказъ книги
Дѣяній о бывшемъ въ Пятидесятницу считаютъ мифологи-
ческимъ наслоеніемъ на первоначальномъ повѣствованіи
въ смыслѣ Павлова свидѣтельства о глоссолаліи или, какъ
J. Weiss, утверждаютъ, что авторъ Дѣяній *γλῶσσαι* въ день
Пятидесятницы, которыя первоначально, у Павла, имѣютъ
смыслъ „чудесныя небесныя слова“, лишь ошибочно на-
звалъ „языками“. Поводъ къ такой ошибкѣ былъ, съ од-
ной стороны, въ „эластичности слова *γλῶσσα*“, которое
значить и языкъ, *Sprache*, а съ другой стороны, въ томъ,
что у самого Ап. Павла есть нѣкоторое колебаніе въ по-
нятій *γλῶσσα* (срв. 12, 10. 28. 13, 1).

С. Третьи, наконецъ, принимаютъ *γλῶσσα* въ значе-
ніи „языкъ“—діалектъ, однако, они не хотятъ согласить-
ся съ тѣмъ, что языки глоссолаловъ были обычными язы-
ками современныхъ имъ народовъ, языкъ у всѣхъ глоссо-
лаловъ былъ одинъ, но особый. Еще Григорій Богословъ
(слово 41-е) рѣшалъ вопросъ, отъ „одного гласа происхо-
дили многіе“ въ день Пятидесятницы, или дѣйствительно
языки глоссолаловъ были „гласы иноязычныя“. Очевидно,
уже въ его время высказывалось мнѣніе, что Апостолы

говорили на своемъ обычномъ языкѣ, и только присутствующіе слышали каждый свой языкъ. Григорій Богословъ нашель, что такое толкованіе не оправдывается разсказомъ Дѣяній. Оно чудо языка превращаетъ въ чудо слуха, какъ будто Духъ Св. сошелъ не на Апостоловъ, а на слушателей, между тѣмъ, по свидѣтельству Св. Луки, слушатели даже укоряли Апостоловъ въ томъ, „что они піяны, изъ чего видно, что по дѣйствию Духа сами говорившіе чудодѣйствовали въ произнесеніи гласовъ“. Тѣмъ не менѣе это мнѣніе было принято многими (Василіемъ Селевкійскимъ, Orat. XXXVII, Ernoldi († ок. 1170), Діонисіемъ Картузіанскимъ, Эразмомъ, отчасти Бедой), а мысль его о единствѣ языка глоссолаала до сихъ поръ является основной во многихъ изъ глоссолалическихъ теорій. Такъ, по мнѣнію однихъ, глоссолаалы говорили первобытнымъ языкомъ, который существовалъ до смѣшенія языка строителей Вавилонской башни, или, по крайней мѣрѣ, какимъ—то подобнымъ первобытному, въ которомъ были объединены основныя начала (*τὰ στοιχεῖα*) всѣхъ историческихъ языковъ (Billroth), который является матерью всѣхъ нынѣ существующихъ діалектовъ и заключаетъ въ себѣ корни ихъ,—это былъ языкъ универсальный, а потому и понятный для всѣхъ народовъ (Oswald, Kaul, Bisping). По соображеніямъ другихъ, языкъ глоссолааловъ былъ вообще языкъ необыкновенный (*nicht bräuchliche*), который спеціально и нарочито (*sonderlich und eigens*) образовывался и затѣмъ подавался говорящему исключительно для выраженія въ словѣ того, что его побуждало говорить (Hofmann). По словамъ третьихъ, это былъ „языкъ новый, исполнѣ чудесный, дарованный Духомъ Святымъ. Онъ имѣлъ то чудесное свойство, что всѣ слушатели, откуда бы они ни происходили, понимали его непосредственно, именно полагая, что слышатъ свой собственный подлин-

ный природный языкъ“ (Wendt). Даръ языковъ былъ „харизматическою способностью прославлять Бога на языкѣ новаго міра“, на языкѣ „искупленныхъ и блаженныхъ“, — это былъ языкъ „небесный“ (wie man „im Himmel“ redet), онъ „производилъ впечатлѣніе универсальности“, и потому былъ роднымъ для всѣхъ слушателей (Cremer). Такимъ образомъ, въ день Пятидесятницы было собственно два чуда: чудо языка, поскольку Апостолы получили способность говорить или „первобытнымъ языкомъ“ или „новымъ, чудеснымъ, небеснымъ“, и чудо слуха, поскольку присутствующіе полагали, что слышатъ каждый свой природный языкъ... Но и эту третью гипотезу глоссолаліи нельзя принять. Прежде всего ни въ Дѣянїяхъ, ни у Ап. Павла нѣтъ никакого слѣда двойного чуда. Равнымъ образомъ это представленіе дара языковъ мало соотвѣтствуетъ и тѣмъ наименованїямъ, какими пользуются священные писатели для обозначенїя этого дара (*γλώσσαις* — даже объ одномъ лицѣ, — *καὶ ναῖς, ἑτέροις γλώσσαις λαλεῖν, γένη γλῶσσῶν*, какъ даръ, ниспосылаемый одному лицу и т. д.) и произвольно предполагаетъ, что языки при строенїи Вавилонской башни были смѣшаны такъ, что первобытные корни остались во всѣхъ современныхъ языкахъ.

Такъ какъ Дѣянїя до очевидности ясно описываютъ даръ языковъ, какъ глаголаніе на обычныхъ, но иностранныхъ языкахъ, то Wendt, чтобы отстоять свое положеніе о единствѣ языка глоссолаловъ, пытается оспаривать справедливость церковно-отеческаго пониманїя повѣствованїя Св. Луки даже на почвѣ самаго текста книги Дѣянїй. 1. Дѣеписатель, возражаетъ Wendt, не отмѣтилъ того, что одинъ изъ вдохновенныхъ (*von den Begeisterten*) говорилъ на одномъ языкѣ, другой — на другомъ и слышалъ ли каждый изъ собравшихся около дома, гдѣ были глоссоалалы, свой природный языкъ изъ устъ

одного или нѣсколькихъ глоссоалаловъ, а у другихъ, т. е. у большинства воспринималъ непонятное смѣшеніе языковъ, или скорѣе Дѣписатель говоритъ вообще, т. е., что каждый изъ пришедшихъ слышалъ и понималъ глаголаніе всѣхъ глоссоалаловъ, какъ рѣчь на его родномъ языкѣ. Это послѣднее представленіе, хотя и болѣе вѣрное по Wendt'у, самъ же Wendt считаетъ несоединимымъ съ другимъ, что собравшіеся въ горницѣ говорили многими и различными языками чужихъ странъ.—Совершенно вѣрно, конечно, что глоссоалалы говорили именно не своимъ природнымъ языкомъ, а языками иностранными. Но почему же Дѣписатель непременно долженъ былъ отмѣтить, что одинъ глоссоалалъ прославлялъ „величія Божія“ на одномъ языкѣ, другой—на другомъ? вѣдь еще ни откуда не слѣдуетъ, что одинъ глоссоалалъ говорилъ на одномъ языкѣ, другой—на другомъ. Во 2-хъ, Wendt указываетъ, что среди прочихъ названій странъ, откуда произошли слушатели глоссоалаловъ, упоминается Іудея (Дѣян. 2, 9). Слѣдовательно, тѣ „провѣщававшіе“, которые говорили на языкѣ Іудей, т. е., на ихъ обычномъ природномъ языкѣ, не получили участія въ новомъ чудесномъ дарѣ языковъ, и ихъ рѣчь сошедшимся іудеямъ не могла показаться странной. Но опять повторимъ, что рассказъ Дѣписателя не уполномочиваетъ утверждать, что каждый или нѣсколько глоссоалаловъ говорили лишь на опредѣленномъ языкѣ. 3. Нѣкоторые, продолжаетъ Wendt, чудесную рѣчь глоссоалаловъ въ день Пятидесятницы объяснили опьяненіемъ (Д. 2, 13), но рѣчь на иностранномъ языкѣ только тогда можно счесть за рѣчь пьянаго, когда или сами слушатели не знаютъ тѣхъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ произносится рѣчь, и потому ошибочно эту рѣчь считаютъ лишь бессмысленными звуками, или тогда, когда допускаютъ, что говорящій вслѣдствіе своего опьяне-

нія заговорилъ теперь на иностранномъ языкѣ, который ему былъ извѣстенъ раньше, но которымъ онъ обычно не пользовался. Оба эти предположенія, рассуждаетъ Wendt, не соотвѣтствуютъ разсказу Дѣяній, гдѣ пришедшіе, съ одной стороны, правильно понимали слышанное, а съ другой,—знали, что говорящимъ галилеянамъ иностранные языки ранѣе не были извѣстны (2, 7). И, кромѣ того, способность говорить на иностранныхъ языкахъ, которыхъ раньше не знали, никто не сочтетъ за слѣдствіе опьяненія.—Но Wendt, выдвигая такое возраженіе, оставилъ безъ вниманія замѣчаніе Св. Луки, что πάντες, всѣ очевидцы чуда изумлялись и недоумѣвали, что это значитъ? (2, 12) слышавшіе и понимавшіе свой языкъ недоумѣвали потому, что видѣли, что „всѣ говорящіе галилеяне“, слѣдовательно, они ихъ языковъ не знали, а между тѣмъ говорили на нихъ, но часть очевидцевъ понимала только еврейскій языкъ и „въ насмѣшку“ предложила гипотезу опьяненія. А такъ какъ рѣчь глоссолаловъ, какъ „порывъ духовнаго восторга“, не была обращена ни къ кому опредѣленно, а вѣрующіе просто славили „величія Божія“, говорили „вси“ (2, 4) одновременно, б. м., даже жестикулировали, то поводъ для обвиненія ихъ въ опьяненіи былъ достаточный. 4. О дарѣ языковъ еще дважды упоминается въ Дѣяніяхъ—10⁴⁶. 19, 6. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, говоритъ Wendt, рѣчь на иностранныхъ языкахъ не имѣла бы, судя по обстоятельствамъ, никакого смысла и цѣли, да здѣсь нѣтъ и никакого намека на чудо языковъ. Но смыслъ такого глаголанія—быть знаменіемъ для вѣрующихъ (Мрк. 16, 17) и невѣрующихъ (1 Кор. 14, 22), а намекъ на чудо языковъ есть: по словамъ Ап. Петра, Корнилій и другіе увѣровавшіе получили Св. Духа точно такъ же, какъ они—Апостолы (Дѣян. 10, 47), а изліяніе Св. Духа на Апо-

столовъ сопровождалось несомнѣнно чудомъ языковъ.—Такимъ образомъ, попытка Wendt'a обосновать свою гипотезу глоссолалии на критикѣ разсказа Дѣяній—не даетъ желательныхъ результатовъ.

Новѣйшія глоссолалическія теоріи съ ихъ противорѣчіемъ другъ другу и тексту невозвѣстныхъ писаній не могутъ быть приняты, какъ рѣшеніе вопроса о дарѣ языковъ. Остается признать: *id verius, quod prius*, и хотя Schulz, а за нимъ о. Θивейскій объявили, что „въ настоящее время ни одинъ безпристрастный или знакомый съ дѣломъ человѣкъ не можетъ говорить, будто даръ языковъ заключался въ глаголаніи на иностранныхъ языкахъ“, мы все же смѣемъ утверждать, что церковно-отеческое пониманіе глоссолалии, именно какъ дара глаголанія на иностранныхъ языкахъ, является единственно правильнымъ, соотвѣтствующимъ не только ясному въ этомъ отношеніи повѣствованію Св. Луки, но и посланію Ап. Павла.

Первое посланіе къ Коринѣянамъ написано значительно раньше Дѣяній Св. Луки ¹⁾. Слѣдовательно, утверждаютъ,

¹⁾ Первое посланіе къ Коринѣянамъ, по Th Zahn'у, написано въ концѣ трехлѣтняго пребыванія Ап. Павла въ Ефесѣ, во время іудейской Пасхи 57 года (*Einleitung in das Neue Testament. Erster Band. Leipzig. 1906. S. 185. 191—192, cf. 228*). По Глубоковскому, „хронологическою датою для этого памятника будетъ самый конецъ 57-го или самое начало 58-го нашего январьскаго года. „Литографированныя лекціи. Стр. 148“. Дѣянія Апостоловъ появились несомнѣнно послѣ 62-го года. Разсказъ Дѣяній оканчивается упоминаніемъ, что въ римскихъ узахъ Ап. Павелъ пробылъ два года (28. 30). Конецъ этихъ двухъ лѣтъ падаетъ на весну 62-го года, такъ какъ въ римское заключеніе Павелъ прибылъ весною 60-го года (Дата Рэмсея. Заимствуемъ ее у Н. Глубоковскаго. Хронологія Нового Завѣта. Тр. Кіев. Дух. Академіи. Т. II за 1911 г. Стр. 375). По Zahn'у, Дѣянія Апостоловъ написаны около 75 года. *Einleitung in das N. T. B. II. Leipzig. 1907. S. 439—441.*

первоначальнымъ и подлиннымъ представленіемъ о дарѣ языковъ нужно считать то, которое слагается на основаніи посланія Ап. Павла. Сказаніе Луки, бѣдто бы, вносить въ изображеніе глоссолаліи новыя черты, которыхъ даръ языковъ въ дѣйствительности не имѣлъ. Поэтому разсказъ Дѣписателя не только не можетъ служить масштабомъ для выясненія сущности харисмы, получить которую такъ стремились Коринѣяне (I. Weiss), но эти новыя черты указываютъ, что „дарованіе языковъ, благодаря которому апостольскую проповѣдь (?) въ день сошествія Св. Духа могли понять люди разныхъ національностей, не имѣетъ ничего общаго съ глоссолаліей, описанной въ первомъ посланіи Ап. Павла къ Коринѣянамъ“ (Л. Дюшенъ. Исторія древней Церкви. Т. I. Москва 1912. Стр. 32. Срв. Felten).—Дѣйствительно, вѣрно то, что посланіе къ Коринѣянамъ—„классическое мѣсто“ о глоссолаліи. Принимаемъ, что оно—первая и вѣрная редакція свидѣтельства о дарѣ языковъ. Но вѣрно также и то, что и Ап. Павелъ и Св. Лука говорятъ объ одномъ и томъ же по существу явленіи въ древней Церкви.

То явленіе, которымъ сопровождалось воспріятіе Св. Духа учениками Іоанновыми, крещенными въ Ефесѣ Ап. Павломъ (Дѣян. 19, 1—6), Дѣписатель обозначилъ выраженіемъ „ἐλάλουν γλώσσαις“. „Ελάλουν γλώσσαις“ и Корнилій со „многими собравшимися“ въ домѣ его, т. е. съ ними было то же, что и съ учениками Іоанновыми въ Ефесѣ. „Вѣрующіе изъ обрѣзанныхъ“ увидѣли въ этомъ глаголаніи даръ Св. Духа, а Ап. Петръ замѣтилъ, что эти говорящіе языками, „какъ и мы, получили Св. Духа“ (10, 45—47), несомнѣнно подразумѣвая бывшее въ Пятидесятницу (гл. 2). Такимъ образомъ, Св. Лука отождествляетъ, „λαλεῖν ἑτέροις γλώσσαις“ (2, 4) и λαλεῖν γλώσσαις (10, 46. 19, 6). Последнимъ выраженіемъ часто назы-

ваетъ даръ языковъ и Ап. Павелъ. Изъ сопоставленія названій дара языковъ у Ап. Павла и Св. Луки какъ будто ясно, что и Дѣянiя и I-е посланiе къ Коринѣянамъ описываютъ одно и то же по существу явленiе,—при чемъ нѣкоторая разница въ выраженiяхъ Ап. Павла и Св. Луки очень просто объясняется тѣмъ, что они писали не въ одно время и съ разною цѣлью. Ап. Павелъ писалъ Коринѣянамъ о хорошо извѣстномъ имъ явленiи съ цѣлью назиданiя, и ему не нужно было заботиться объ особенной точности выраженiй. Историкъ Лука, когда онъ въ первый разъ говорилъ въ своей книгѣ о необыкновенномъ явленiи, долженъ былъ быть по возможности точенъ и онъ безукоризненно точенъ, такъ что рассказъ его не поддается перетолкованiямъ, если они не связаны съ искаженiемъ текста его повѣствованiя. Когда затѣмъ онъ упоминалъ о чрезвычайномъ дарѣ языковъ уже не въ первый разъ (Дѣян. 10, 46. 19, 6), такъ точнымъ ему уже не нужно было быть, и онъ ограничивается краткимъ замѣчанiемъ—„*ἐλάλουν γλώσσαις*“: читатели знали, о чемъ онъ пишетъ. Такъ какъ и *λαλεῖν καιναῖς γλώσσαις* Марка (16, 17) не вноситъ никакой новой мысли сравнительно съ *λαλεῖν ἑτέραις γλώσσαις*: говорить новыми языками=говорить иными языками, а не природнымъ, то можно думать, что Ап. Павелъ съ *γλώσσαις λαλεῖν* соединялъ ту же мысль, какую Св. Лука—съ *λαλεῖν ἑτέραις γλώσσαις*, а евангелистъ Маркъ съ *λαλεῖν καιναῖς γλώσσαις*. Однако, этотъ выводъ изъ сопоставленiя выраженiй Св. Ап. Павла, Луки и Марка не имѣетъ обязательной силы, такъ какъ Павелъ о дарѣ языковъ говоритъ и *γένη γλωσσῶν*, *γλώσση λαλεῖν*, *γλῶσσαν ἔχει* и просто *γλῶσσαι*. Поэтому необходимо обратиться къ деталямъ ученiя Ап. Павла о харисмѣ языковъ, чтобы на твердомъ фундаментѣ обосновать тождество между даромъ языковъ у Луки и глоссолалией у Ап. Павла.

Ап. Павелъ, упомянувъ въ 12-й гл. своего I-го посланія къ Коринеянамъ, что „дары различны, но Духъ, (дающій ихъ), одинъ и тотъ же“ (ст. 4) и что всякое „проявленіе Духа дается на пользу“ (ст. 7), слѣдовательно и сообщаемые „иному роду языковъ (*γένη γλωσσῶν*)“ (ст. 10, срв. 28), въ 14-ой гл. удѣляетъ особенное вниманіе дару языковъ, сравнивая его съ даромъ пророчества, чтобы показать Коринеянамъ, что они совершенно неосновательно предпочитаютъ первый послѣднему. Чтобы сдѣлать для Коринеянъ неосновательность такого предпочтенія очевидной, Апостоль всесторонне доказываетъ мысль о бесполезности дара языковъ для назиданія и созиданія Церкви, если этотъ даръ не соединяется съ даромъ истолкованія. Эта мысль—основная мысль всей 14-ой главы, и ее необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно понять разсужденія Апостола.

Уже самое названіе *χάρισμα*, дарованіе, показываетъ, что даръ языковъ—явленіе „закона естествъ кромѣ“, что онъ не естественнаго происхожденія, не вытекаетъ изъ естественныхъ силъ и способностей человѣка, а есть нѣчто высшее, необычайное, чудесное. Дѣйствительно, и у Ап. Павла и у Св. Луки этотъ даръ—слѣдствіе прямого воздѣйствія Св. Духа на человѣческую душу: Духъ „дѣйствуетъ“, всѣ дарованія „раздѣляя властію коемуждо якоже хочетъ“ (1 Кор. 12, 11), и галилеяне въ день Пятидесятницы „начаша глаголати иными языки, якоже Духъ дающе имъ провѣщавати“ (Дѣян. 2, 4). Если источникъ описываемаго Св. Лукою и Ап. Павломъ явленія въ Духѣ Св., то принципиально, конечно, нельзя оспаривать того, что чудесный даръ имѣлъ и чрезвычайную форму выраженія, т. е. былъ глаголаніемъ на иностранныхъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ глоссолаламъ, языкахъ. Правда, Ап. Павелъ *прямо* не говоритъ о такой формѣ

выраженія дара языковъ, но вѣдь ему не нужно было описывать, какъ проявлялся этотъ даръ въ Церкви. Это Коринѣяне прекрасно знали. Апостоль касается формы выраженія дара языковъ лишь постольку, поскольку это способствовало уясненію его основной мысли о бесполезности глоссолаліи для назиданія Церкви, „аще не будетъ сказатель“ (1 Кор. 14, 28). Однако, аргументація Апостола, его аналогіи и терминологія въ этомъ случаѣ, какъ нельзя лучше, укладываются въ рамки того представленія о дарѣ языковъ, по которому онъ выражался въ глаголаніи на иностранныхъ языкахъ.

Апостоль бесполезность дара языковъ для назиданія Церкви мотивируетъ тѣмъ, что говорящаго въ церковномъ собраніи языкомъ (*γλῶσση*) никто не слышитъ: „*οὐδείς γὰρ ἰκάνει*“ (1 Кор. 14, 2). Не слышитъ, конечно, не „вслѣдствіе недостаточной отчетливости, раздѣльности“ (такъ о. Ѳивейскій) рѣчи глоссолала, не потому, что глоссолаль говоритъ тихо или „*blæsa voce*“,—тогда Апостоль не могъ бы сравнить его съ мѣдью звенящей или съ кимваломъ звучащимъ (13, 1),—никто не слышитъ, т. е. „не понимаетъ“, какъ и передалъ русскій переводчикъ, и передалъ совершенно вѣрно: а) *ἰκάνει* въ смыслѣ „понимать“ встрѣчается и у классиковъ, ¹⁾ и у LXX (Быт. 11, 7. 42, 23. 4. Цар. 18, 26). и въ Новомъ Завѣтѣ (Мѡ. 13, 13. Мрк. 4, 33, срв. Мѡ. 11, 15; 13, 9. Мр. 8, 18 и др.), а кромѣ того в) слышать и не понимать все равно, что не слышать. Именно, какъ непонятную, характеризуетъ далѣе Апостоль рѣчь глоссолала въ своей первой аналогіи, которую онъ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли о бесполезности дара языковъ для назиданія Церкви внѣ связи его съ даромъ истолкованія. Игра на свирѣли или

¹⁾ У Лукіана, Плутарха (Schleusner, I, p. 105), у Эсхила (Zorell, p. 24).

гусляхъ, пишетъ Апостолъ, только тогда можетъ захватить человѣка, вызвать въ немъ настроеніе радости или грусти, когда въ ней есть *διαστολὴ τοῖς φθόγγοις*— „раздѣленіе звукамъ“, когда каждый звукъ имѣетъ свою высоту и силу, когда между отдѣльными звуками есть опредѣленные интервалы, т. е. когда эта игра бываетъ опредѣленной мелодіей радости или печали. Если же этого *διαστολὴ τοῖς φθόγγοις* не будетъ, то какъ узнаетъ слушатель, что онъ слышитъ. Игра будетъ для него ничего не выражающимъ, „писканіемъ и гудѣніемъ“ (1 Кор. 14, 7). И воинъ не станетъ готовиться къ битвѣ, если онъ услышитъ какой-то неопредѣленный (*ἄδηλον*) звукъ трубы, а не сигналъ, зовущій на брань (14, 8, срв. Исх. 19, 16 и 19. Лев. 25, 9). Такъ и глоссолатъ, если его рѣчь не *ἔνσημος λόγος* для слушателей, то онъ говоритъ на вѣтеръ (1 Кор. 14, 9). Его рѣчь—пустой звукъ, бесполезна для Церкви. *Εὔσημος λόγος* ¹⁾—это рѣчь ясная, *bene significans*, выразительная и вразумительная для слушателей, смыслъ которой легко можетъ быть понятъ всякимъ, рѣчь понятная, слѣдовательно, и назидательная. Такимъ образомъ, то, что говоритъ глоссолатъ, само по себѣ было *λόγος*, нѣчто съ опредѣленной мыслью, съ опредѣленнымъ содержаніемъ, но для слушателей это нѣчто не было *ἔνσημος λόγος*, т. е. было непонятной рѣчью. Слушатель на благодареніе глоссолала не могъ отозваться своимъ „аминь“, такъ какъ онъ не зналъ (*οὐκ οἶδεν*) что тотъ говорилъ (*τί λέγεις*,—14, 16). „Не-

¹⁾ *Δόγος*—слово, изреченіе, или „разумное выраженіе, νοῦς 'α“ (*vernünftige Aeusserung des νοῦς*), высказанное (*προφορικὸς, φωνή τῶν λόγων* Дан. 7, 11) или невысказанное (*ἐνδιάθετος*)—безразлично, но такъ какъ оно коррелируетъ разума, то *λόγος*—слово всегда съ элементомъ разумности, рѣчь, и можетъ быть употреблено только о человѣкѣ, ангелахъ или Богѣ.

знающій или невѣрующій“, войдя въ церковное собраніе, легко могъ принять глоссолаговъ за сумасшедшихъ (*οὗκ ἐροῦσιν ὅτι μαίνεσθαι*¹⁾).—14, 23),—настолько ихъ рѣчь казалась слушателямъ непонятной и бессмысленной. Поэтому Апостолъ и пишетъ, что, „говорящій языкомъ“ назидаетъ только себя (14, 4) и, слѣдовательно, не приносить пользы Церкви (14, 6. 14. 17. 19.); поэтому онъ утверждаетъ, что пророчествующій „болѣе“ (*μεῖζων*), имѣетъ большее значеніе въ церковной жизни, чѣмъ „говорящій языками“ (14, 5); поэтому „говорящихъ языками“ онъ призываетъ, съ одной стороны, молиться о дарѣ истолкованія (14, 13), чтобы свой даръ языковъ сдѣлать полезнымъ для всей Церкви (14, 5. 6. срв. 27); а съ другой,—молчать въ церковномъ собраніи, если нѣтъ на лицо истолкователя (14, 28); поэтому, наконецъ, въ перечисленіи дарованій, даръ языковъ онъ ставитъ рядомъ съ даромъ истолкованія и какъ бы связываетъ ихъ воедино (12, 10, срв. 30).

Однако, непонятность рѣчи, невозможность уловить въ ней смыслъ говорить лишь о томъ, что она была рѣчью не на обычномъ языкѣ слушателей, и только,—но еще не обязываетъ признать ее рѣчью на иностранномъ языкѣ, хотя и не противорѣчитъ такому признанію. Правда, по разсказу Св. Луки, рѣчь на иностранныхъ языкахъ въ день Пятидесятницы вовсе не была непонятной для слушателей. Наоборотъ, когда галелеяне начали „*λαλεῖν ἑτέροις γλώσσαις*“ (Дѣян. 2, 4), то собравшіеся изъ разныхъ странъ Римской имперіи іудеи и прозелиты сразу услышали (*ἤκουον*), что глоссолалы говорятъ ихъ языками

¹⁾ Русскій переводъ, „бѣснуетесь“ не точенъ. Понятіе бѣснованія въ повозавѣтномъ языкѣ соединяется съ *δαμονίζεσθαι* и *δαμόνιον ἔχειν* съ значеніемъ, именно, *καταδυναστεύεσθαι ἐπὶ τοῦ διαβόλου* (Дѣян. 10, 38, срв. Іоан. 10, 20).

(τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ,—ст. 6. 8), и поняли, что этими языками они прославляют „величія Божія“ (λαλοῦντων αὐτῶν ταῖς ἡμετέραις γλώσσαις τὰ μεγαλεῖα τοῦ Θεοῦ,—ст. 11). Слѣдовательно, изъ разсказа Луки, повидимому, очевидно, что рѣчь коринѣскихъ глоссолатовъ, какъ совершенно непонятная для слушателей, не была глаголаніемъ на иностранныхъ языкахъ: но это только повидимому. И въ день Пятидесятницы, во 1-хъ, нашлись „иные“, которые „насмѣхаясь говорили“ о глаголавшихъ галилеянахъ: „они напились сладкаго вина“ (ст. 13), на нѣкоторыхъ очевидцевъ чудо Пятидесятницы произвело впечатлѣніе, подобное тому, какое Ап. Павелъ предполагаетъ въ „незнающихъ или невѣрующихъ“ слушателяхъ коринѣскихъ глоссолатовъ (1 Кор. 14, 23),—впечатлѣніе рѣчи для нихъ необычной, непонятной и бессмысленной, которую можно услышать лишь отъ пьянаго или сумасшедшаго. Во-2-хъ, Апостолъ, если глаголаніе коринѣскихъ глоссолатовъ дѣйствительно было глаголаніемъ на языкахъ разныхъ народовъ, совершенно вѣрно характеризуетъ его, какъ совершенно непонятное слушателямъ безъ помощи дара истолкованія: въ день Пятидесятницы очевидцами чуда были люди со всѣхъ концовъ Римской имперіи, люди разныхъ національностей; вполне естественно, что они, когда слышали галилеянъ, глаголющихъ ихъ языками, поняли, что тѣ славословятъ „величія Божія“; но вѣдь Ап. Павелъ пишетъ посланіе Коринѣянамъ, слѣдовательно, только ихъ предполагаетъ, какъ членовъ коринѣской церкви, имѣетъ въ виду выяснитъ сравнительное значеніе говорящихъ языками и пророчествующихъ въ обычныхъ молитвенныхъ собраніяхъ, участниками которыхъ были тѣ же Коринѣяне, едва ли знавшіе какой-либо другой языкъ, кромѣ своего греческаго,—а такъ какъ коринѣскіе глоссолаты говорили не на природномъ своемъ греческомъ языкѣ, то ясно, что Ко-

ринейне не понимали и не могли понимать ихъ безъ „истолкователя“.

Но у Ап. Павла есть и ясныя слѣды того, что глоссолалія въ Коринѣхъ выражалась въ глаголаніи на иностранныхъ языкахъ. Св. Павелъ, для уясненія все той же основной своей мысли о бесполезности для Церкви дара языковъ безъ дара истолкованія, приводитъ еще такую аналогію. Сколько, напримѣръ (*εἰ τύχοι* ¹⁾), говоритъ онъ, родовъ языковъ (*γένη φωνῶν* ²⁾), сколько разныхъ языковъ въ мірѣ (*ἐν κόσμῳ*) и нѣтъ ни одного изъ нихъ нѣмого (*καὶ οὐδὲν ἄφωνον*,—14, 10), ничего не выражающаго, такъ что владѣющіе имъ не могли бы при его помощи передавать своихъ мыслей другимъ. Всякій языкъ передаетъ мысли говорящаго. Нужно только знать этотъ языкъ, чтобы понять выражаемыя на немъ мысли. Поэтому, если я не знаю значенія языка (*τὴν δύναμιν τῆς φωνῆς*), если я не понимаю, продолжаетъ Апостоль, языка, на которомъ говорятъ въ данную минуту, то я буду *βάρβαρος*, буду чужестранцемъ для говорящаго, а говорящій будетъ чужестранцемъ по отношенію ко мнѣ (*ἐν ἐμοὶ βάρβαρος*,—14, 11), т. е., ясно, что мы не поймемъ другъ друга и намъ совершенно бесполезно продолжать бесѣду. *Βάρβαρος* у грековъ и у LXX вообще всякій, кто говоритъ на иностранномъ, чужеземномъ языкѣ, такъ что говорящаго не понимаютъ слушатели, а гово-

¹⁾ *Εἰ τύχοι* соединено съ *τοσαῦτα*. По Hofmann'у, *εἰ τύχοι* при опредѣленномъ числѣ указываетъ на то, что это число взято наобумъ, а при неопредѣленномъ—на то, что не хотятъ заниматься тѣмъ, чтобы его опредѣлить (срв. Lucian. Icarom. 6). У Cornely *εἰ τύχοι*=*exempli gratia*.

²⁾ Большинство экзегетовъ считаетъ *γένη φωνῶν*=*γένη γλωσσῶν*, хотя и различно объясняютъ, почему Апостоль одно выраженіе замѣнилъ другимъ.

рящій—слушателей ¹⁾. Выводъ Апостола: такъ какъ вы, обращаете онъ къ Коринѣянамъ, ищете духовныхъ дарованій, стараетесь получить ихъ, то стремитесь обогатиться ими, но къ назиданію Церкви (14, 12). Смыслъ аналогіи ясенъ: вы изъ опыта повседневной жизни прекрасно знаете, убѣждаетъ Апостоль Коринѣянтъ, что бесполезно слушать чужестранца, если не знаешь его языка,—(а этотъ опытъ Коринѣине могли имѣть постоянно: во время апостольской проповѣди, Коринѣи вмѣстѣ съ Александріей и Фессалоникой овладѣли почти всей торговлей тогдашней Римской имперіи и сюда стекались купцы всѣхъ національностей изъ всѣхъ концовъ этой обширной имперіи). Конечно, чужестранецъ на своемъ языкѣ передаетъ опредѣленные мысли; его языкъ самъ по себѣ, внѣ отношенія къ слушателямъ, полезенъ: онъ оправдываетъ свое назначеніе,—быть выразителемъ мысли. И глоссололъ своимъ языкомъ тоже выражаетъ какую-нибудь мысль. Его даръ самъ по себѣ тоже полезенъ. Но какая польза отъ того, что онъ говорилъ, для другихъ, когда онъ по отношенію къ этимъ другимъ—*βάρβαρος*, когда они его не понимаютъ? Если вы изъ опыта обычной жизни знаете, что бесполезно слушать чужестранца, когда не знаешь его языка, то зачѣмъ же вы такъ стремитесь получить даръ языковъ, пренебрегая другимъ даромъ, зачѣмъ стре-

¹⁾ Herodotus 2, 158: „египтяне называютъ варварами всѣхъ, говорящихъ на неодинаковомъ съ ними языкѣ“. Ovidius tristium 5, 10. 37: „я здѣсь варваръ. потому что никому непонятенъ (quia non intelligor ulli)“. Пс. 113, 1. Срв. Ириней Contr haer. III, 4, 2: „Многія племена варваровъ..., принявшія вѣру во Христа безъ письмени, суть *варвары* относительно нашего языка, но въ отношеніи ученія, нрава и образа жизни они по вѣрѣ своей весьма мудры и угождаютъ Богу, живя во всякой правдѣ, чистотѣ и мудрости“. Migne. P. G. T. 7, col. 855.

митесь пользоваться имъ въ церковномъ собраніи? А если вы ужъ такъ заботитесь о духовныхъ дарованіяхъ, постарайтесь обогатиться ими къ назиданію Церкви. Поэтому говорящій языкомъ пусть молится о дарѣ истолкованія (14, 13). Смысль аналогіи показываетъ, что Апостоль воспользовался этой аналогіей вовсе не для уясненія понятія о дарѣ языковъ или того, какъ онъ выражался въ Церкви. Это было извѣстно. Апостоль воспользовался ею какъ яркимъ доказательствомъ бесполезности дара языковъ для назиданія вѣрующихъ, когда послѣдніе не понимаютъ глаголанія глоссолаала. А этой цѣли она достигаетъ вполне, и она должна быть особенно убѣдительною для Коринѳянъ, если и самый даръ языковъ выражался въ глаголаніи на иностранныхъ языкахъ. Если Коринѳянамъ было ясно, что совершенно бесполезно слушать хотя бы перса, когда не знаешь персидскаго языка, потому что изъ этого слушанія ничего не вынесешь кромѣ того, что слышишь иностранца, то указаніе на этотъ опытъ жизни должно было, какъ 2 умноженное на 2=4, доказать имъ, что вѣдь то же самое получается, когда пользуются даромъ языковъ въ Церкви безъ дара истолкованія. Это не назидаетъ вѣрующихъ (14, в. 19), а между тѣмъ всякое „явленіе Духа“ дается „на пользу“ всей Церкви (12, 7 слл.)... Эта аналогія, особенно терминъ *ῥαροβαρος*, который характеризуетъ глоссолаала по отношенію къ слушателямъ, какъ говорящаго на иностранномъ, чужеземномъ языкѣ, намъ кажется, уже—достаточно вѣское основаніе, чтобы отождествить глоссолаалию въ Пятидесятницу и даръ языковъ въ Коринѳѣ по ихъ внѣшнему выраженію.

Наконецъ, въ посланіи къ Коринѳянамъ есть еще одно выраженіе, вполне подтверждающее справедливость указаннаго отождествленія. Когда Св. Павелъ говоритъ о

значеніи дара языковъ въ жизни Церкви, онъ приводитъ слова Исаи (28, 11—12): „черезъ иноязычныхъ (*ἐν ἑτερογλώσσοις*) ¹⁾ и иными устами буду говорить народу сему но и тогда не послушаютъ Меня, говорить Господь“ (14, 21). Мы еще остановимся подробно на этомъ пророчествѣ. Пока для насъ важно однослово: *ἐν ἑτερογλώσσοις*— „черезъ иноязычныхъ“. т. е. черезъ людей, говорящихъ иными или другими языками, не обычнымъ природнымъ языкомъ. Въ древне-славянскомъ переводѣ— „черезъ иноязычникъ“. У LXX стоитъ не *ἐν ἑτερογλώσσοις*, а *διὰ γλώσσης ἑτέρας*. Слѣдовательно, перифразъ *ἐν ἑτερογλώσσοις* соотвѣтствовалъ подлинному представленію Павла и Коринѳянъ о томъ, въ чемъ обнаруживался даръ языковъ. Если глоссолалы въ Коринѳѣ были *ἑτερογλωῶσσοι* по отношенію къ слушателямъ, то это уже обязываетъ признать то, что и они, какъ галилеяне въ день Пятидесятницы, *ἐλάλουν ἑτέραις γλώσσαις*, глаголали, какъ и тѣ, на иностранныхъ языкахъ. Итакъ, и Св. Лука и Ап. Павелъ утверждаютъ одно и тоже, что даръ языковъ выражался въ глаголаніи на иностранныхъ языкахъ,

Почему же теперь Ап. Павелъ даръ языковъ называетъ то *γένη γλωσσῶν*, то *λαλεῖν γλώσσαις*, то *λαλεῖν γλώσση*? Несомнѣнно не потому, что „существовали роды или виды „языковъ“, что въ обнаруженіи дара глоссолаліи было большое разнообразіе и, между прочимъ, иногда вѣрующій начиналъ выражаться на иноземномъ, незнакомомъ ему языкѣ или даже на нѣсколькихъ языкахъ, но глоссолалія оставалась глоссолаліей даже и въ томъ случаѣ, если вѣрующій говорилъ на одномъ языкѣ, *γλώσση*, и даже на своемъ природномъ“ (Θ. Мищенко). Если бы хоть иногда даръ языковъ выражался на природномъ языкѣ, то

¹⁾ А не „иными языками“, какъ въ русскомъ и славянскомъ переводахъ.

почему же обязателенъ для пониманія глоссолалической рѣчи даръ истолкованія? Гдѣ бы былъ критерій, чтобы отличить даръ языковъ отъ псалма, откровенія или пророчества? Нѣтъ, выражался этотъ даръ всегда въ глаголаніи на иностранныхъ языкахъ, отсюда и его названіе. *Γέννη γλωσσῶν* это-то же самое, что и *λαλεῖν γλώσσαις*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить 1 Кор. 12 10. 28 и 12 30. *Γέννη γλωσσῶν*—роды языковъ или „разные языки“ (срв. „*παντοδαπαῖς γλώσσαις*“ у Иринея), какъ въ русскомъ переводѣ. Когда Апостолъ говоритъ о дарѣ языковъ только какъ о дарѣ, который есть въ Церкви, т. е., о дарѣ языковъ *an sich*, онъ выражается *γέννη γλωσσῶν* (1 Кор. 12. 10. 28), *λαλεῖν γλώσσαις* (12, 30. 14, 5), *γλῶσσαι* (13. 8. 14, 22), даже при единствѣ лица говорящаго (12, 10. 13, 1. 14, 5. 18), и хочетъ этимъ сказать, что всякій глоссолаль могъ „всеми языки языковъ“ глаголати. А когда онъ пишетъ о дарѣ языковъ уже *in concreto*, касается обнаруженія этого дара въ каждый опредѣленной моментъ, то объ одномъ лицѣ говоритъ *λαλεῖν γλῶσση* (14, 1. 4. 9. 13. 14. 19. 26. 27; въ 14, 6. Апостолъ не разумѣетъ одного опредѣленнаго момента) и только о многихъ—*λαλεῖν γλώσσαις* (14, 23. 39), такъ какъ въ каждый опредѣленный моментъ рѣчь одного глоссолала несомнѣнно была рѣчью только на одномъ языкѣ.

Даръ языковъ безъ истолкованія былъ непонятнымъ для слушателей глаголаніемъ на иностранныхъ языкахъ. Имѣлъ ли онъ въ такомъ случаѣ какое-нибудь значеніе въ церковной жизни? Отцы Церкви (Златоустъ, Θεοδορίтъ, блаж. Θεοφιλαктъ и мн. др.) и пѣснопѣнія Св. Пентикостіи ¹⁾ утверждаютъ, что даръ языковъ былъ ниспо-

¹⁾ „Языкамъ инородныхъ обновилъ еси, Христе, Твоя ученики, да тѣмъ Ты проповѣдаютъ безсмертнаго Слова и Бога“ (Стихира на малой и великой вечерни). „Твоимъ ученикомъ исполняя обѣ-

сланъ Церкви, какъ орудіе проповѣди о Христѣ и такимъ образомъ былъ постояннымъ умѣніемъ говорить на иностранныхъ языкахъ, умѣніемъ, пріобрѣтеннымъ чудеснымъ образомъ. Однако, эта мысль, и теперь еще широко распространенная, глубоко ошибочна: ни въ Дѣяніяхъ, ни въ I-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, ни въ заключеніи евангелія Марка, нигдѣ не говорится о глоссолатіи, какъ дарѣ для христіанской проповѣди, а между тѣмъ эта мысль мѣшаетъ правильному рѣшенію вопроса о томъ, что такое даръ языковъ въ древней Церкви.

Сами глоссолаты понимали-ли то, что они говорили языками? По мнѣнію Кирилла Александрійскаго и Θεодорита, глоссолаты сами понимали свои слова. Въ средніе вѣка Николай Лира (N. Lyranus), а за нимъ Діонисій Картузіанскій думали, что говорящій языками значеніе словъ, которыя произноситъ, понималъ, но не понималъ смысла рѣчи. Почти то же высказываетъ блаж. Августинъ (de Fen. ad lit. XII, 8 sq.), если замѣчаетъ, что фараонъ, когда рассказывалъ свои сны о колосьяхъ и коровахъ Іосифу, „говорилъ языками“, а Іосифъ, когда изъяснялъ эти сны, „пророчествовалъ“. Въ противоположность этому Златоустъ утверждаетъ: „умъ глоссолатовъ не зналъ того, что говорится“ (*ὁ νοῦς δὲ οὐκ ᾔδει τὸ λαλούμενον καὶ ὁ νοῦς μὴ ἀννοῖ τὰ λεγόμενα*,—срв. Дамаскинъ, Exposit. in ep. ad Corinth., с. XIV, v. 14. 15; Экуменій, Comment. in ep I ad. Corinth., XIV, 12 14; блаж. Θεοφιλαктъ), и для Амвросіаста „ясно, что душа наша (mens autem qui est animus) не вѣдаетъ (того, что говорить), если го-
щаніе Духа, Христе, симъ послалъ еси, дѣйство великихъ чудесъ дарующа, и языки огнезрачная дарствующа, да Твоего познанія языкъ стада исполнять“ (Канонъ на повечеріи). „Въ видѣ убо языковъ сниде Духъ Святой..., яко апостоли научити и приводити языки, языкомъ имѣяху“ (Синаксарій въ понедѣльникъ по Пятидесятницѣ).

ворить языкомъ, котораго она не знаетъ, какъ обычно поютъ по-гречески латиняне, наслаждаясь звукомъ словъ, однако, не зная, что говорятъ“ (Comment. in ep. ad Corinthios I, c. XIV, v. 14. Migne P. I. t. 17. col. 255. Срв. Пелагій, Sedulius Scotus, Тома Аквинатъ). Теперь обычно утверждаютъ, что и слушатели не понимали глоссолала, и онъ не понималъ самъ себя. Между тѣмъ, едза ли это справедливо.

Какъ представлять себѣ состояніе глоссолала? По свидѣтельству Ап. Павла и Св. Луки, даръ языковъ былъ „явленіемъ“ Духа Святаго въ глаголавшемъ языками; глаголаніе глоссолала было чрезвычайной формой проявленія, обнаруженія особеннаго присутствія Св. Духа въ говорившемъ. Слѣдовательно, глаголавшій языки въ моменты глаголанія жилъ не просто человѣческой жизнью, но человѣческой жизнью въ присутствіи Св. Духа, жизнью одухотворенной, вдохновеніемъ. Въ этомъ состояніи человѣкъ могъ только своимъ духомъ (*πνεῦματι*) глаголатъ тайны (1 Кор. 14, 2), только духъ его (*πνεῦμά μου*) могъ молиться (14, 14), а умъ (*ὁ νοῦς*) въ этомъ глаголаніи, въ этой молитвѣ не участвовалъ (14, 19. 15). Очевидно, что въ силу наитія Св. Духа собственная душевная жизнь человѣка становилась пассивной, какъ бы замирала. Человѣкъ уже не самъ силою своей мысли создавалъ содержаніе своей психической жизни. Умъ—„этотъ домостроитель чувствъ и помысловъ“ (Исаакъ Сиріянинеъ. Слова подвижническія. Сергіевъ Посадъ. 1911. Слово 16-е. Стр. 64)—бездѣйствовалъ. Въ то же время *πνεῦμα*, духъ человѣка возвышался до возможности воспринимать и переживать то, что „дѣйствовалъ“ въ человѣкѣ Духъ Святой. Въстѣ съ тѣмъ человѣкъ получалъ чудесную способность выражать эти переживанія на иностранныхъ языкахъ, которыхъ доселѣ не зналъ. Причемъ самый характеръ рѣчи

глоссолала вполне соответствовалъ внутреннему состоянію. Рѣчь его была настолько восторженной, возбужденной, что постороннему лицу говорящій могъ показаться пьянымъ или сумасшедшимъ. Но несомнѣнно, что глоссолалъ интуитивно сознавалъ то, что переживаетъ, и понималъ, но не умомъ, что говорить. Онъ скорѣе созерцалъ то, что говорить. Онъ именно во время самого произнесенія своей рѣчи назидалъ себя ею (14, ~~14~~). Если бы онъ не понималъ ея, то какъ бы онъ назидалъ себя? Что бы это была за молитва (14. 14), что за благословеніе и благодареніе (14, 16. 17), если бы человѣкъ не зналъ, что его языкъ произносить, иными словами, если бы онъ былъ лишь механическимъ орудіемъ глаголанія Св. Духа? Молитва—общеніе человѣка съ Богомъ, сознательное обращеніе его къ Богу. Если нѣтъ сознанія, то нѣтъ и молитвы. Это была бы молитва Св. Духа, но не человѣка, а между тѣмъ подъ *πνεῦμα μου* Апостолъ несомнѣнно разумѣетъ духъ человѣческій и противопоставляетъ ему именно *νοῦς μου* (14. 14). И вѣрующій въ состояніи глоссолаліи дѣйствительно не былъ только простымъ орудіемъ рѣчей Св. Духа. Если бы было не такъ, то глоссолалъ *volens—polens* долженъ былъ бы говорить, когда изливался на него даръ языковъ. Однако, онъ могъ говорить и не говорить, могъ управлять своей вдохновенной рѣчью, иначе Апостолъ не далъ бы глоссолаламъ наставленія говорить въ церкви только „по двѣма, или множае по тріемъ“, и то порознь (14, 27), а когда не будетъ истолкователя, такъ и совсѣмъ молчать, а говорить только себѣ и Богу (14, 28). Изъ этого послѣдняго замѣчанія ясно, что „себѣ и Богу“ глоссолалъ говорилъ всегда съ пользой, получая такое назиданіе, какое другіе имѣли только при помощи дара истолкованія. А если онъ лично получалъ безъ помощи дара истолкованія тоже самое назиданіе,

ніе, какое вся Церковь при помощи послѣдняго дара. то очевидно, самъ онъ понималъ, что говорилъ,—понималъ не умомъ, но духомъ.

Но въ такомъ случаѣ особый даръ истолкованія, чтобы сдѣлать рѣчь глоссолала понятной для слушателей, былъ не нуженъ? Глоссолалъ понималъ свою рѣчь, слѣдовательно, повидимому, самъ могъ и передать ее слушателямъ. Въ томъ—то и дѣло, что не могъ. „Апостолъ, замѣчаетъ преосв. Теофанъ словами Златоуста, бесѣдуетъ о тѣхъ, которые знали, что говорили,—знали сами, но другимъ передать не могли“. Почему не могли? Ясно почему. *Δαλεῖν γλώσσαις* можно было только въ состояніи вдохновенія, одухотворенности. Переживанія этого состоянія одухотворенности глоссолалъ могъ выразить только „якоже Духъ даяше провѣщавати“, а силою Св. Духа онъ могъ „провѣщавать“ только на иностранныхъ языкахъ. Когда же теперь онъ могъ на понятномъ языкѣ передать свою рѣчь слушателямъ? Во время глоссолалическаго вдохновенія, очевидно, не могъ: тогда онъ говорилъ только на иностранныхъ языкахъ. По окончаніи глаголанія языки? Но прекращалось глаголаніе, прекращалось и состояніе одухотворенности, то состояніе, о которомъ человѣкъ не можетъ сказать, „аще въ тѣлѣ“ оно, „аще ли кромѣ тѣла“, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращались и тѣ переживанія, которыя были связаны съ этимъ состояніемъ и источникомъ которыхъ былъ Духъ Святой. Глоссолалъ становился обычнымъ вѣрующимъ, съ обычной естественной психической жизнью. Теперь онъ говорилъ обычнымъ, своимъ природнымъ языкомъ. Но что онъ могъ бы передать этимъ языкомъ изъ своей рѣчи? Онъ могъ бы только указывать на фактъ своего вдохновенія и восторженной рѣчи, и только—но не могъ бы пересказать содержаніе этой рѣчи, какъ Ап. Павелъ сказалъ о себѣ: „былъ

восхищенъ въ рай и слышалъ неизрѣченныя слова“, но пересказать ихъ не могу (2 Кор. 12, 4). Не могъ передать самую вдохновенную рѣчь, потому что источникъ и содержаніе ея въ Духѣ Святомъ, а воздѣйствіе Св. Духа на душу вѣрующаго прекратилось. Даже по памяти глоссолатъ не могъ передать своей рѣчи, такъ какъ не могъ ея запомнить, ибо *νοῦς* его бездѣйствовалъ въ состояніи глоссолатіи. Только новый даръ, даръ истолкованія, т. е. то же наитіе Св. Духа могло помочь глоссолату передать свою рѣчь другимъ. Конечно, если во время глаголанія глоссолатъ въ Церкви были знающіе тотъ языкъ, на которомъ въ данную минуту говорилъ глоссолатъ, даръ истолкованія былъ не нуженъ (примѣръ Пятидесятницы,—Дѣян. 2, 11). Но когда такихъ знающихъ не было, даръ истолкованія былъ необходимъ. А такъ какъ этотъ даръ далеко не всегда былъ въ распоряженіи глоссолатъ (1 Кор. 14, 13, срв. 5) и, вѣроятно, чаще ниспосылался не тому же лицу, которое обладало даромъ языковъ (12, 10, 13), и такъ какъ поэтому рѣчь глоссолатъ далеко не всегда могла быть передана присутствующимъ, то, слѣдовательно, даръ языковъ не могъ служить дѣлу проповѣди о Христѣ.

Самое содержаніе глоссолатическихъ рѣчей подтверждаетъ это положеніе. Онѣ были молитвой (*προσευχή*,—срв. 14, 14. 15), псалмомъ (*ψαλμὸς*,—срв. 14, 15), благословеніемъ—благодареніемъ (*ἐὐλογία—εὐχαριστία*,—срв. 14, 16. 17) или глаголаніемъ „величій Божіихъ“ (Дѣян. 2, 11). Ясно, что и по содержанію своему онѣ не были проповѣдью евангельской истины, а были прежде всего обращеніемъ къ Богу (срв. 1 Кор. 14, 2. 28).

Помимо этого даръ языковъ, чтобы служить орудіемъ проповѣди, долженъ былъ бы сообщать *постоянное* знаніе иностранныхъ языковъ, способность *λέγειν, φάναι*

ἀγορεύειν, *ἔρεῖν* на этихъ языкахъ, т. е. способность высказывать, развивать на этихъ языкахъ *свои мысли* въ логическомъ порядкѣ (*λέγω*), и даже въ твердо опредѣленной внѣшней формѣ (*φημί, εἶπον, ἔρεῖν*). во всякое время, какое глоссолаль нашелъ бы удобнымъ для проповѣди. Однако, такой способности даръ языковъ не сообщалъ. Глоссолаль могъ только *λαλεῖν*, *ἀποφθέγγεσθαι* тѣми языками, которые онъ получилъ отъ Св. Духа. Въ древности глаголомъ *λαλέω* обозначалась рѣчь болтуновъ, дѣтей, или такой разговоръ, который велся почти безъ всякой заботы о томъ, что говорится, т. е. имѣлъ значеніе—болтать, пустословить. У Аристотеля *λαλέω* выражаетъ только фізіологическій актъ говоренія; въ несобственномъ смыслѣ *λαλοῦσσι* играющіе на духовыхъ музыкальныхъ инструментахъ, птицы, обезьяны, эхо. На языкѣ *κοινῇ λαλέω* имѣеть уже значеніе латинскаго *loquor*, т. е. говорить. Съ этимъ значеніемъ *λαλέω* встрѣчается болѣе 800 разъ у LXX и часто въ Н. Завѣтѣ ¹⁾ и отъ *λεγεῖν* отличается тѣмъ, что значить—говорить сообразно времени, мѣсту, обстоятельствамъ *Sich ergebend aus Zeit, Ort, Umstanden*), т. е. не при обычной обстановкѣ, а при извѣстныхъ условіяхъ, въ данномъ случаѣ при условіи вдохновенія. воздѣйствія Св. Духа на духъ глоссолала. Последнее подтверждается тѣмъ, что у Луки *λαλεῖν* синонимъ *ἀποφθέγγεσθαι* (Дѣян. 2, 4), а *ἀποφθέγγεσθαι* (отъ *φθέγγομαι*) ближайшимъ образомъ указываетъ на тонъ рѣчи—съ одной стороны, какъ на ея *forte* или *piano* (als Klang), а съ другой,—поскольку въ этомъ тонѣ выражается аф-

¹⁾ Срв. Н. Глубоковский. „Библейскій греческій языкъ Ветхаго и Новаго Завѣта“ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1912 г., Іюнь, стр. 208—209: „*λαλεῖν* ассимилировалось съ *λέγειν* и *εἰπεῖν*“.

фективность рѣчи (als Träger des Affekts). Отсюда ясно, что глоссолалы говорили въ состояніи духовнаго аффекта, въ состояніи экстаза, и это состояніе отражалось въ самомъ тонѣ рѣчи. Слѣдовательно, иностранными языками они могли пользоваться только въ состояніи экстаза, значить, *не постоянно*. Опять, слѣдовательно, даръ языковъ не могъ служить дѣлу проповѣди.

Наконецъ, самъ Ап. Павелъ, разсматривая даръ языковъ въ дѣлѣ христіанской миссіи только какъ, „знаменіе“ для невѣрующихъ, показываетъ, что этотъ даръ не былъ орудіемъ проповѣди. Что значить, что даръ языковъ былъ „знаменіемъ“ для невѣрующихъ? Проф. Муретовъ этотъ вопросъ рѣшаетъ такъ. „Языкоговореніе“, пишетъ онъ: „Апостолъ несомнѣнно ставитъ ниже пророчества, „болѣе совершеннаго дара“, находя въ первомъ знаменіе *только для невѣровъ* и невѣрія, а во второмъ для вѣры и вѣрующихъ... Для невѣровъ и укрощенія невѣрія языкоговореніе является таинственно-устрашающимъ средствомъ, заставляющимъ невольно остерегаться глумленія и насилія надъ истиною и святостію“... Апостолъ впечатлѣніе отъ языкоговоренія въ „незнающихъ или невѣрующихъ“ (*ἰδιῶται ἢ ἄπιστοι*) выразилъ вопросомъ: „οὐκ ἐροῦσιν ὅτι μαίνεσθε“=не скажутъ ли, что вы безумствуете“? (1 Кор. 14, 23). Но вопреки „всѣмъ древнимъ переводамъ“, вопреки словоупотребленію LXX и Новаго Завѣта, гдѣ *μαίνομαι* и *μανία* обозначаютъ „именно безумство, умоизступленіе, сумасшествіе (Прем. 5, 4. 14, 23. 28. 2 Макк. 4, 4. 4 Макк. 7, 5. 8, 4. 10, 13. Псал. 39, 5. Іер. 32 (25), 16. 36 (29), 26. Ос. 9, 7. 8. Дѣян. 12, 15,—26, 11. 24. 25), а также вопреки значенію этого глагола, въ обычномъ языкѣ эпохи *κοινη*“ проф. Муретовъ путемъ тщательныхъ филологическихъ изысканій доказываетъ, что *μαίνεσθε* имѣетъ еще религіоз-

ный, поэтический смысл, и, поскольку у Апостола речь идет о религиозных собраниях христиан, *μαίνομαι* в данном случае—специально-религиозный *terminus technicus*, так что *μαίνεσθε* „надо переводить вдохновляетесь (Богом), богодухновенны, боговдохновляетесь“. Смысл дара языковъ, какъ знаменія для невѣрующихъ такой: „краткія, но таинственныя изрѣченія двухъ—трехъ глоссолаговъ, произнесенныя восторженными звуками съ вдохновенными взорами и жестами, и понятны разъясненныя толкователями, захватывали и присутствовавшихъ язычниковъ, именно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ Апостолъ называетъ *ἰδιῶται*, сообщая и имъ восторгъ глоссолала и его толкователя. Подъ вліяніемъ этого, даже невольнаго, восторга язычникъ долженъ былъ видѣть въ языкоговореніи христианъ знаменіе ихъ богодухновенности или той „божественной маніи“, что сообщается, по языческимъ воззрѣніямъ, отъ боговъ, „ниспосылающихъ въ ней людямъ своимъ „духовъ“ и свои „свѣты“. При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ христианствомъ это знаменіе для язычника могло перейти въ первую ступень его вѣры и бросить въ его сердце первый лучъ Христова свѣта“... Для упорныхъ „невѣровъ—язычниковъ“ (*ἄπιστοι*), предубѣжденных, враждебно настроенныхъ къ христианству, значеніе дара языковъ сводилось къ тому, что и они должны были признать въ христианахъ присутствіе божественной маніи, которую они находили у почитаемыхъ оракуловъ. Сознаніе присутствія какой-то таинственной божественной силы, быть можетъ, какого-либо еще „невѣдомаго бога“, вызывало у суевѣрнаго язычника, „невѣра“ невольный страхъ предъ христианами и уваженіе къ нимъ, вмѣсто прежняго глумленія, на основаніи заочныхъ слуховъ о нихъ“... Для вѣрующихъ же даръ языковъ значенія не имѣлъ: для нихъ „не требовалось внѣшняго зна-

менія присутствія среди нихъ божества, ибо они носили Бога и Христа внутри себя въ своихъ умахъ, въ чувствахъ и воляхъ“... Однако, разсужденія авторитетнаго ученаго требуютъ нѣкоторыхъ существенныхъ corrigenda. У Ап. Павла мы читаемъ: „въ законѣ (срв. Ио. 10, 34. 12, 34. 15, 25,—Рим. 3, 19) написано, что чрезъ иноязычныхъ (*ἐν ἑτερογλώσσοις*) и чрезъ уста другихъ (*καὶ ἐν χείλεσιν ἑτέρων*), буду говорить народу сему, и ни тако, и тогда (*καὶ οὐδ' οὕτως*), и все же (срв. Мрк. 14, 59. 4 Макк. 5, 18. Іез. 16, 28. 29), т. е. и при такомъ говореніи не послушаютъ Меня, говоритъ Господь“ (1 Кор. 14, 21). Богъ чрезъ пророка Исаію (гл. 28) угрожалъ, что Онъ за то, что народъ израильскій не былъ болѣе вѣренъ Ему, пересталъ слушать увѣщанія пророковъ и, оставивъ вѣру, лишь насмѣхался надъ ихъ рѣчами, Онъ пошлетъ на него народы, говорящіе иными языками, и такимъ образомъ будетъ вразумлять его грозными событіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ Богъ предсказываетъ, что невѣрный народъ израильскій, не смотря на вразумленіе чрезъ этихъ чужеземцевъ, все таки не послушаетъ Господа, не обратится къ Нему. Этимъ предреченіе судьбы невѣрующаго Израиля чрезъ Исаію, въ перифразѣ, какъ типологическимъ пророчествомъ о дарѣ языковъ, теперь и воспользовался Ап. Павелъ для уясненія значенія дара языковъ по отношенію къ невѣрующимъ. Изъ словъ Исаіи онъ дѣлаетъ совершенно вѣрное логически заключеніе: „слѣдовательно—¹⁾), языки (*αἱ γλῶσσαι*) суть знаменіе (*εἰς*

¹⁾ ὥστε со слѣд. indic. въ логич. выводѣ=ergo, слѣдовательно, посему,—срв. Мо. 12, 12. 19, 6. 23, 31. Мрк. 2, 28. 10, 8. Рим. 7, 4. 12. 13, 2. 1 Кор. 3, 7. 7, 38. 11, 27. 2 Кор. 4, 12. 5, 16 сл. Гал. 3, 9. 24. 4, 7. 16,—русское „итакъ“—правильно, но недостаточно ясно отбѣняетъ связь съ предыдущимъ.

σημεῖον) не для вѣрующихъ, но невѣрующихъ (поскольку Иегова „ἐν ἑτερογλώσσοις“ древле заговорилъ Израилю только тогда, когда тотъ пересталъ вѣровать въ Него). Но изъ послѣднихъ словъ Исаи: „и все же не послушаютъ Меня“, Апостолъ пока не дѣлаетъ вывода въ приложеніи къ дару языковъ. Онъ пока прерываетъ свое заключеніе и выводитъ прямо изъ словъ Исаи не вытекающее заключеніе о дарѣ пророчества: „пророчество же не для невѣрующихъ, но для вѣрующихъ“ (1 Кор. 14. 22), (ибо Иегова, пока народъ израильскій не отступалъ отъ Него обращался къ Своему строптивому народу только черезъ пророковъ). Сдѣлавъ такой выводъ, Апостолъ ставитъ точку. Но, приводя слова Исаи, онъ отнюдь не забываетъ своей основной мысли, которую всесторонне старается доказать Коринѣянамъ. Съ самаго начала 14-ой главы (стт. 1—19) Апостолъ доказывалъ преимущество пророчествующаго предъ глаголющимъ языками, на томъ основаніи, что даръ языковъ безъ дара истолкованія бесполезенъ для назиданія Церкви, т. е. для вѣрующихъ. Теперь ту же мысль онъ обосновываетъ съ новой стороны, съ точки зрѣнія сравнительной пригодности дара языковъ и дара пророчества для обращенія невѣрныхъ, съ точки зрѣнія христіанской миссіи. Выводъ Апостола изъ словъ пророка о значеніи дара языковъ для невѣрующихъ читателямъ посланія оставалось только дополнить такою мыслью: даръ языковъ цѣннѣе дара пророчества, ибо послѣднее безсильно въ дѣлѣ обращенія невѣрныхъ, а это обращеніе невѣрныхъ въ очахъ Божіихъ цѣннѣе назиданія вѣрующихъ (срв. Іак. 5, 20. Лк. 5, 32. Мѡ. 9, 13. Мр. 2, 17. Лук. 15, 10. 1 Тим. 1, 15), слѣдовательно, говорящій языками, какъ миссіонеръ, выше пророчествующаго... Тѣмъ съ большей убѣдительностью Апостолъ могъ теперь указать Коринѣянамъ на оши-

бочность этой мысли, которая неизбежно должна была мелькнуть въ умахъ читателей. Онъ возвращается теперь къ выводу, который, по отношенію къ дару языковъ, слѣдуетъ изъ послѣднихъ словъ Исаи, и котораго онъ еще не сдѣлалъ. Вѣрно, по словамъ пророка, даръ языковъ— „знаменіе“ для невѣрныхъ, но вѣрно и то, что это „знаменіе“ не обратитъ невѣрныхъ къ вѣрѣ, такъ какъ и это вѣдѣ предсказалъ тотъ же пророкъ: „и все же не послушаютъ Меня, глаголетъ Господь“. Апостолъ и пишетъ: „Если теперь (*οὖν*¹⁾ вся Церковь сойдется въ одно мѣсто (*ἐπὶ τὸ αὐτὸ*) и всѣ (глоссолаты коринѣской церкви) будутъ говорить языками, войдутъ же незнающіе (*ἰδιῶται*), никогда не слышавшіе о существованіи у васъ такого сверхъестественнаго дара, или невѣры (*ἄπιστοι*), не признающіе никакихъ сверхъестественныхъ явленій, то не скажутъ ли они, что вы безумствуете?“ (I Кор. 14, 23). „Безумствуете“—вотъ результатъ глаголанія языками незнающимъ и невѣрамъ, когда оно не сопровождается даромъ истолкованія, а вовсе не обращеніе ихъ къ вѣрѣ во Христа, какъ и предсказано пророкомъ. Совсѣмъ не то будетъ, если тѣ же самые *ἰδιῶται* и *ἄπιστοι* услышатъ въ церковномъ собраніи христіанъ исполнѣ понятную для нихъ рѣчь пророка. „Но если, продолжаетъ Св. Павелъ, всѣ будутъ пророчествовать, войдетъ же какой—нибудь невѣрующій или незнающій (*ἄπιστος ἢ ἰδιώτης*), то онъ обличается всѣми, всѣми судится (14, 23), тайны сердца его обнаруживаются, какъ тайны Наѳанаила и сама-

1) Это *οὖν* показываетъ, что Апостолъ возвратился къ прерванному выводу изъ пророчества Исаи по отношенію къ дару пророчества. Въ данномъ случаѣ, въ рѣчи Апостола можно видѣть т. н. *epanalepsis*. Поэтому *οὖν* лат.=*igitur*, а нѣм. *also* или *nun* „теперь“, срв. Іо. 6, 24. 19, 24. 1 Кор. 8, 4. 11, 20. Winer *Crammatik des neutestamentlichen Sprachidioms* Leipzig 1844. 1. 523. Zorell, p. 411.

рянки, и такимъ образомъ онъ, какъ тѣ, павъ ницъ, поклонится Богу, возвѣщая, что истинно среди васъ присутствуетъ Богъ (*ὅτι ὁυτως ὁ Θεός ἐν ὑμῖν ἐστίν*,—14, 25, срв. Іо. I, 45-49. 4; 16—19), Итакъ, даръ пророчества и въ дѣлѣ миссіи приносить очевидный плодъ, несомнѣнную пользу, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи „глаголющіе языками“, имѣя очевидное знаменіе присутствія Св. Духа въ себѣ, всетаки не могли превозноситься предъ пророками; ихъ даръ, если онъ не соединялся съ даромъ истолкованія, не приносилъ осязательной пользы непознавшимъ еще Христа. Доказать съ новой точки зрѣнія большую полезность дара пророчества сравнительно съ даромъ языковъ и было цѣлью разобраннаго отдѣла (I Кор. 14, 21—25). Этою цѣлью опредѣляется и весь смыслъ его, а этотъ смыслъ, какъ мы видѣли, за древнѣй переводъ *μαίνεσθε* и противъ „божественной маніи“. Какъ, далѣе, „незнающіе и невѣры“ могли раздѣлять „восторгъ“ глоссолаля, когда они не понимали рѣчи послѣдняго: о толкователяхъ у Апостола въ данномъ мѣстѣ вѣдь нѣтъ ни полслова? Причемъ „но“ (*δὲ*) у Апостола въ ст. 24, когда Павелъ переходитъ къ рѣчи о пророчествѣ, если *μαίνεσθε*—„вдохновляйтесь“. „богодухновенны“?—Это вѣдь то же самое, что и „истинно съ вами Богъ“. И впечатлѣніе отъ языкоговоренія христіанъ и отъ ихъ пророчества было не разное, какъ у проф. Муретова: одно у *ἰδιῶται*, другое—у *ἄπιστοι*. Гдѣ у Апостола намекъ на „глумленія и насилія подъ истиною и святостію“, остановить которыя и ниспосланъ былъ Церкви „даръ языковъ“? Почему непременно настаивать на „устрашающемъ только“ вліяніи глоссолаліи на невѣріе (*ἄπιστοι*)? Зачѣмъ утверждать, что пророческая рѣчь могла озлоблять, „только злить и раздражать невѣровъ (*ἄπιστοι*), вызывая въ нихъ звѣрскія влеченія“, когда слова Апостола не

даютъ для такого утвержденія никакого права? По. Апостолу и *ἰδιώταις ἁπλοῖς* совершенно одинаково, съ одной стороны, говорятъ: „безумствуете“, съ другой,—„истинно съ вами Богъ“.

Если незнающіе и невѣрующіе на рѣчи глоссолатовъ отвѣчали: „безумствуете“, то какое же въ этомъ знаменіе для нихъ? Было знаменіе. Пусть по первому впечатлѣнію, по невѣдѣнію, или невѣрію, они не видѣли въ глаголаніи языками силы Божіей, а лишь говорили—„безумствуете“. Но и этого было вполне достаточно. Если они всетаки сказали—„безумствуете“, а не прошли съ молчаніемъ мимо этого явленія, то несомнѣнно внезапное безуміе глоссолатовъ, которое столь же внезапно кончалось, хотъ на минуту остановило на себѣ ихъ вниманіе, дало толчекъ хотя бы только ихъ любопытству. Это послѣднее уже должно было поставить въ ихъ сознаніи вопросъ: „Что это значитъ?“ А отвѣтъ на этотъ вопросъ они могли найти только у христіанъ, и тѣ, удовлетворяя ихъ любопытству, конечно, не забывали сѣять въ сердцахъ язычниковъ слово Божіе. Такимъ образомъ, *косвенно*, даръ языковъ *служилъ и дѣлу проповѣди* о Христѣ, но *по существу* своему не былъ предназначенъ для нея. Болѣе того. Быть даже только знаменіемъ для невѣрныхъ не первая и не главная цѣль ниспосланія Церкви дара языковъ. Если бы „языкоговореніе“ было знаменіемъ *только* для невѣровъ и невѣрія“, то глоссолаты говорили бы лишь въ присутствіи невѣрныхъ. Однако, по Апостолу, во время произнесенія глоссолатической рѣчи присутствіе невѣрныхъ совсѣмъ не обязательно (срв. 14, 23: „если войдутъ“). И въ день Пятидесятницы галилеяне начали „иными языками“ славословить „величія Божія“ тогда, когда ихъ славословія еще некому было слушать (Дѣян. 2, 4, срв. 6). А когда насталъ моментъ бросить

первое сѣмя благовѣстія о Христѣ воскресшемъ въ сердца собравшагося народа, то съ проповѣдью выступили не всѣ глаголавшіе галилеяне, каждый на своемъ языкѣ, а одинъ Ап. Петръ и, несомнѣнно, на обычномъ арамейскомъ языкѣ (2, 14). Необязательное присутствіе невѣрующихъ въ качествѣ слушателей рѣчей глоссолатовъ ясно свидѣтельствуешь о томъ, что эти рѣчи имѣли значеніе прежде всего для самихъ вѣрующихъ, и даже въ томъ случаѣ, когда даръ языковъ не соединялся съ даромъ истолкованія. Правда, въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ бесполезенъ для всего собранія вѣрующихъ, но онъ былъ полезенъ для вѣрующей личности. Вѣрующій, получившій этотъ даръ, могъ видѣть въ немъ очевидное свидѣтельство неложности своей вѣры, онъ назидался своей рѣчью (1 Кор. 14, 4), онъ могъ съ помощью этого дара „добрѣ благодарити“ (14, 17). Вотъ почему христіане, слишкомъ высоко цѣня это яркое доказательство присутствія Св. Духа въ вѣрующемъ, стремились получить его. Вотъ почему и Ап. Павелъ, настаивая на томъ, что пророчествующій болѣе говорящаго языка, однако, всячески старается отгнать то, что даръ языковъ самъ по себѣ не „ниже“ пророчества. Какъ даръ Св. Духа, онъ не менѣе цѣненъ, чѣмъ всякій другой даръ того же Св. Духа, и Апостолъ желаетъ, „чтобы всѣ говорили языками“ (14, 5), благодарить Бога за то, что самъ онъ „болѣе всѣхъ“ Коринѳяны говорить языками (14, 18); глоссолатамъ заповѣдуетъ въ церкви молчать, но „себѣ и Богу“ всетаки говорить (14, 28), а вѣрующимъ пишетъ: „не запрещайте говорить и языками“ (14, 29). Вотъ почему и самъ Христосъ назвалъ даръ языковъ „знаменіемъ для вѣрующихъ“ (Мр. 16, 17).

Итакъ, даръ языковъ и по Ап. Павлу, и по Св. Лукѣ,—вдохновенная, чудесная молитвенная рѣчь, изливав-

шаяся изъ устъ вѣрующаго въ силу непосредственнаго воздѣйствія Св. Духа, на томъ языкѣ, на какомъ давалъ провѣщать ее Св. Духъ, слѣдовательно, глоссолатъ, поскольку это зависѣло отъ Св. Духа, могъ „всѣми языки языковъ“ глаголати. Но его рѣчь прямо не служила дѣлу пропорѣди о Христѣ, а была лишь знаменіемъ прежде всего для вѣрующихъ, а затѣмъ и для невѣрующихъ, и, конечно, косвенно, какъ чудо, служила и дѣлу христіанской миссіи.

Послѣ такого опредѣленія глоссолатіи нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Ап. Павелъ не касается вопроса,—на какихъ языкахъ говорили каринскіе глоссолаты, а Св. Лука ничего не сообщаетъ о томъ, какіе глоссолаты и какому языку научились въ Пятидесятницѣ. Да они при всѣмъ желаніи не могли этого указать: „инымъ языкамъ“ глоссолаты не научились, а лишь получали чудесную способность въ одно время говорить на одномъ языкѣ, въ другое—на другомъ. Естественно послѣ этого, что Апп. Петръ и Павелъ пользовались толмачами, что новозавѣтные писатели не знали въ совершенствѣ греческаго языка и т. д.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что отрицать историческую достовѣрность разсказа Св. Луки въ 2-ой главѣ Дѣяній на томъ основаніи, что Лука вноситъ въ изображеніе дара языковъ такія черты, которыхъ нѣтъ у Ап. Павла, нѣтъ смысла: Св. Лука и Ап. Павелъ только дополняютъ и уясняютъ другъ друга, но ничуть не противорѣчатъ другъ другу. А если Zeller, Spitta и др., отказавъ въ исторической достовѣрности разсказу Св. Луки, источникъ его видятъ въ іудейскомъ преданіи, по которому Пятидесятница была праздникомъ въ воспоминаніе Синайскаго законодательства, то это еще и несправедливо. Тюбингенскіе критики утверждаютъ, что „іудейство

уже во время Иисуса рассматривало Синайское законодательство, какъ данное не только народу Израильскому, но и всѣмъ языческимъ народамъ именно при помощи чуда языковъ: звукъ Божественнаго голоса съ Синая достигалъ до границъ земли, чтобы слышали его и не-присутствовавшіе при Синаѣ и чтобы имъ было также указано на законъ. Въ этомъ смыслѣ рассказываетъ о Синайскомъ законодательствѣ Филонъ (*De Septenario ed. Mangey II, 295. De Lecalogo § 9, ed. Sohn Wendland IV, 33; § II,—IV, 46*) Это Филоновское представлѣніе Синайскаго законодательства (будто-бы)—очевидная религіозно—историческая параллель къ исторіи Пятидесятницы, какъ чуда языковъ, и іудейское преданіе, которое передаетъ Филонъ, должно рассматриваться, какъ основа дальнѣйшаго развитія первоначальнаго (=свидѣтельству Ап. Павла о дарѣ языковъ) рассказа о Пятидесятницѣ въ подобное чудо языковъ. Какъ законодательство на Синаѣ, изліяніе Св. Духа должно быть понято, какъ Божественное свидѣтельство универсализма христіанскаго благовѣстія. Этотъ рассказъ есть доказательство того, что Лука христіанскую религію ставитъ на мѣсто іудейской, именно, такъ какъ онъ несомнѣнно выставляетъ ея характеръ какъ міровой религіи“ (*Feine*). Но указывать на юдаистическій источникъ повѣствованія Луки совершенно неосновательно. Ветхозавѣтная Пятидесятница была праздникомъ жатвы (*Исх. 23, 16. Числ. 28, 26*). Въ Библіи ничего не говорится объ отношеніи ея къ Синайскому законодательству, она не была праздникомъ въ память его. Не говорятъ еще объ этомъ ни Филонъ, ни Іосифъ Флавій. Св. І. Златоустъ прекрасно выясняетъ символически—образное значеніе Пятидесятницы также только, какъ праздника жатвы: „когда надобно было пустить въ дѣло серпъ слова, когда нужно было собирать жатву,—тогда, какъ изощрен-

ный серпъ, прилетаетъ Духъ“. И Св. Лука ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ не пытается установить связь Пятидесятницы съ дарованіемъ закона на Синаѣ. Св. Лука даже не упоминаетъ о Синаѣ. Пятидесятницу, какъ праздникъ въ память Синайскаго законодательства, стали разсматривать лишь раввины. Правда, раввинское объясненіе принимаютъ блаж. Іеронимъ, Исидоръ Пелусіотъ, Северіанъ, еще шире развиваетъ его Теофилактъ. Но въ нашей литературѣ уже прот. Полотебновъ въ своемъ комментаріи на кн. Дѣяній указывалъ на отсутствіе связи между Синайскимъ законодательствомъ и Пятидесятницей, и это вполне отвѣчаетъ какъ В. Завѣту (ссылки на Исх. 19, 1. 10. 11 и 13, 3—неубѣдительны), такъ и разсказу Дѣеписателя. Если позднѣйшіе толкователи нашли связь между Синаемъ и Сіонскою горницею, то Св. Лука въ этомъ неповиненъ. Слѣдовательно, считать его повѣствованіе о днѣ Пятидесятницы лишь передѣлкой іудейскаго преданія—неосновательно, да и не нужно: въ этомъ повѣствованіи, какъ сказано, нѣтъ ничего, что не оправдывалось бы свидѣтельствомъ о глоссолаліи Ап. Павла. Слѣдовательно, по логикѣ самой отрицательной критики, въ этомъ повѣствованіи нѣтъ и ничего невѣроятнаго, такъ какъ свидѣтельство Ап. Павла и для нея безусловно вѣрно.

В. Сухановъ.